

На правах рукописи

**Пономарев
Евгений Рудольфович**

**Типология советского путешествия:
«Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-
1930-х годов**

Специальность: 10.01.01-10 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2014

Работа выполнена на кафедре литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **И. Н. Сухих**

доктор филологических наук **Д. В. Токарев**

доктор филологических наук,
профессор **М. А. Черняк**

Ведущая организация:

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Защита диссертации состоится _____ 2014 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика диссертации

Актуальность исследования

Диссертация посвящена типологическому исследованию «путешествий на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов. В отечественной традиции литературу путешествий ранее не считали проблемой первостепенной – по крайней мере, для изучения русской литературы XIX-XX веков. Исследователи древнерусской литературы уделяли серьезное внимание жанру «хождений» (хожений), но уже в послепетровской литературе наиболее важные путешествия – такие, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «Записки русского путешественника» Н.М. Карамзина – рассматривались, как правило, не в контексте истории жанра, а в рамках творческого пути того или иного автора или в контексте тех или иных литературно-философских течений. Однако в последнее время сложилось отчетливое представление, что литература путешествий – особая форма литературного процесса, принципиально отличающаяся от доминирующего в XIX-XX веках романа. Она позволяет изучать историю литературы (и шире – межкультурные коммуникации, историю идей, историю культуры), с необычной точки зрения.

В западной научной традиции «travel literature» плодотворно изучается начиная с 1950-х годов. В 1980-е годы интерес к проблемам путешествий значительно усилился. Сегодня «travel literature» – одна из наиболее перспективных культурологически ориентированных литературоведческих тем. Научных подходов к изучению путешествий довольно много, поскольку, во-первых, до сих пор нет четкого представления о природе и границах литературы путешествий, следовательно, нет и однозначного определения феномена путешествий – исследователи предлагают все новые решения проблемы; во-вторых, с введением в научный оборот нового материала (а литература путешествий необозрима) появляются новые методы исследования.

В последние годы наметилось плодотворное взаимодействие между разными научными традициями: в 2000-е годы проект университетов Оснабрюка и Бремена «Взгляды Других (Die Blicke der Anderen)» собрал большой коллектив ученых из разных стран, с различных сторон изучавших путешествия «межвоенного периода» по линии «Париж - Берлин - Москва/Ленинград». Результаты проекта были представлены на нескольких специально подготовленных международных конференциях, были выпущены четыре сборника статей (на немецком и русском языках), а также несколько монографий¹.

---

¹ Berlin, Paris, Moskau: Reiseliteratur und die Metropolen. Bielefeld: Aistesis, 2005; Die Blicke der Anderen. Paris - Berlin - Moskau. Bielefeld: Aistesis, 2006; Europa. Stadt. Reisende. Blicke auf Reisetexte. 1918-1945. Bielefeld: Aistesis, 2006; Flüchtige Blicke. Relektüren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. Bielefeld: Aistesis,

Произошли важные сдвиги и помимо этого проекта. В ряде серьезных работ отечественных исследователей был рассмотрен культурологический аспект путешествий на материале русской литературы нового и новейшего времени². Научные издания, посвященные проблемам межкультурных коммуникаций, сегодня, как правило, обязательно обращаются к феномену литературы путешествий³. Важность исследования путешествия в русской культуре подтверждается и темой большой научной конференции, прошедшей в Петербурге в 2013 году⁴.

При этом терминологическая база, используемая при изучении литературы путешествий, достаточно размыта (многие научные работы начинаются с указаний на неразработанность понятийного аппарата и отсутствие традиции⁵). Часто «путешествие» именуют особым жанром, однако это заведомо неточно, ибо литература путешествий использует большой набор традиционных жанров и жанровых форм. С другой стороны, очевидно, что литература путешествий представляет собой сложившееся идейно-тематическое и структурное единство, требующее комплексного изучения. Диссертация предлагает особый исследовательский аппарат, с одной стороны, опирающийся на традиции изучения литературы путешествий в России и на Западе, с другой стороны, выстраивающий новую методологическую перспективу: путешествие рассматривается в работе как «другая литература», параллельная тем текстам, которые принято называть «собственно художественными».

«Путешествие на Запад» имеет особое значение для русской культурной идентичности. Именно этот маршрут (по крайней мере, с конца XVII века, а может быть, и раньше) выстраивает в российском сознании представление о собственной культурной значимости, представление о «своем» и «другом». Он, можно сказать, формирует русское

2009; Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сб. статей. Ред. В.-С.Киссель, Г.А.Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Тиме Г.А.* Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд другого. 1919-1939. М., 2011; *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. СПб, 2011; *Пономарев Е.Р.* Прощай, Европа! Путешествие на Запад как жанр советской литературы межвоенного периода. [Saarbrücken,], 2011.

² *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Цивьян Т.В.* Семиотические путешествия. [СПб: Иван Лимбах, 2001]; *Sipli, C.* Reisetexte der russischen Moderne. Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus München: Sagner, 1997; *Heeke, M.* Reisen zu den Sowjets. Der ausländische Tourismus in Rußland. 1921-1941 Münster; Hamburg; London: LIT Verlag, 1999; *Schönle A.* Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790-1840. Cambridge, Mass. – London: Harvard University Press, 2000; *Kalinowska, I.* Between East and West: Polish and Russian Nineteenth-Century Travel to the Orient. University of Rochester Press, 2004; *Paul, J. Chr.* Reiseschriftstellerinnen zwischen Orient und Okzident. Analyse ausgewählter Reiseberichte des 19.Jahrhunderts. Weibliche Rollenvorstellungen, Selbstrepräsentationen und Erfahrungen der Fremde. Würzburg, 2013.

³ Европа в России. Сборник статей. Кафедра славистики университета Хельсинки. Новое литературное обозрение. [М.], 2011.

⁴ Международная междисциплинарная Гумбольдтовская конференция 16-19 апреля 2013 года. «Феноменология, история и антропология путешествия». Программа.

⁵ *Hulme P., Youngs T.* Introduction to: Cambridge Companion to Travel Writing. Ed. by P.Hulme, T.Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. I.

национальное самосознание, создавая как либерально-западнический, так и консервативно-традиционный дискурс. Вплоть до сегодняшнего дня «путешествие на Запад» имеет особое культурообразующее значение для носителя русской культуры – подобно тому, как на англичанина оказывает важнейшее влияние путешествие на Средиземноморье, а на американца – посещение Европы⁶.

Путешествие советского периода занимает в изучении литературы путешествий особое место. Существует мнение, что это путешествие иного рода, чем все остальные путешествия XX столетия, – путешествие идеологическое, преследующее скорее пропагандистские цели, чем традиционные цели путешествия: описание иных земель и иных нравов⁷. Автор диссертации попытался включить советское «путешествие на Запад» (с учетом его идеолого-пропагандистского задания) в контекст общих европейских путешествий этого периода (в том числе путешествий, созданных литературой русской эмиграции), сделав акцент на те черты, которые связывают советские травелоги с английскими, немецкими, французскими травелогами 1920-1930-х годов – периода, который традиционно считается пиком литературы путешествий.

Степень научной разработанности проблемы

«Путешествие на Запад» советского периода можно назвать практически неизученным. Среди немногочисленных работ о литературе путешествий советского периода выделяется обзорная статья М.Балиной⁸. Некоторые аспекты советских путешествий в Америку намечены в книге А.М.Эткинда «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» (впрочем, эта книга скорее сборник эссе, чем планомерное исследование; путешествие понимается автором очень широко и порой метафорично)⁹. Существует несколько работ, рассматривающих «образ Америки» в советской (или шире – русской) литературной традиции¹⁰. Важный задел по близким темам дают результаты

---

⁶ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 407-412; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, Лен. отд., 1987. С. 525-606; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004; Schweizer B. Radicals on the road. The politics of English travel writing in the 1930s Charlottesville; London: University Press of Virginia, 2001; Scott D. Semiologies of Travel. From Gautier to Baudrillard. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2004.

⁷ Балина М. Литература путешествий // Соцреалистический канон [Под общей редакцией Х.Гюнтера и Е.Добренко]. СПб: Академический проект, 2000. С. 896-909.

⁸ Балина М. Указ соч.

⁹ Эткинд А. Указ соч.

¹⁰ См., напр.: Перцов В. Маяковский. Жизнь и творчество в последние годы. 1925-1930. М.: Наука, 1965. С. 57-64; Rogle Ch. Three Russians Consider America. America in the Works of Maksim Gor'kij, Aleksandr Blok, and Vladimir Majakovskij. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, [1976]. Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе. Москва, Арзамас, 2000.

проекта «Взгляды Других» (см. выше). Один из важных аспектов данной проблемы разработан в монографии Г.А.Тиме «Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд другого. 1919-1939» (в основном, в ней описан процесс исхода русской эмиграции в Германию и возвращения в СССР)¹¹. Ряд статей Г.А.Тиме, предшествовавших ее монографии, описывает так называемый «берлинский очерк», сформировавшийся в русской литературе (еще, по сути, не разделившейся на «советскую» и эмигрантскую) в первой половине 1920-х годов¹². Ряд серьезных работ посвящен путешествию «в обратную сторону»: из Европы в СССР¹³.

Широкий контекст исследуемой проблемы предлагают работы о путешествиях по Европе 1920-1930-х годов, а также путешествиях на Восток и в северную Африку¹⁴. Они описывают общеевропейскую ситуацию, сложившуюся в этот период в литературе путешествий, тенденции развития литературы путешествий в целом, а также включают советские путешествия в мировой литературный контекст. Кроме того, в этих исследованиях используются различные методы анализа литературы путешествий, которые можно частично применить и к анализу советских путешествий.

Типологические описания литературы путешествий представлены разнообразно, однако выполнены, как правило, на далеком от настоящей диссертации материале. Большой частью типологии «travel writing» построены на текстах древней и средневековой литературы, иногда литературы XVII-XVIII веков. Среди важных работ такого рода следует отметить монографию Э.Лида «Сознание путешественника: От Гильгамеша к глобальному

---

¹¹ Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд другого. 1919-1939. М., 2011.

¹² Тиме Г.А. Петербург - русский Берлин - Москва как «триада» путешествий русского духа // Образ Петербурга в мировой культуре. СПб.: Наука. 2003; Тиме Г.А. Берлин как «двойник» Петербурга // Sub tolerantia. Сб. памяти В.А.Туниманова. СПб.: Наука. 2008; Тиме Г.А. Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 16-31.

¹³ Dücker B. Reisen in die UdSSR 1933-1945. In: Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republik zum «Dritten Reich». Hrsg. von Peter J. Brenner. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 253-283; Heeke, M. Reisen zu den Sowjets. Der ausländische Tourismus in Rußland. 1921-1941 Münster; Hamburg; London: LIT Verlag, 1999; Knox, R.S.C. A Political Tourist Visits Future: Ernst Toller's Russian and American Travels near the end of the Weimer Republic // Cross-Cultural Travel. Papers from the Royal Irish Academy Symposium on Literature and Travel. National University of Ireland, Galway, November 2002 / Ed. by Jane Conroy. New York [etc.], 2003. P. 355-363; Ryklin, M. Hinten den Kulissen der Revolution. Walter Benjamins Roter Oktober // Berlin, Paris, Moscau. Reiseliteratur und die Metropolen Bielefeld, Aisthesis Verlag, 2005. S. 253-270; Swirgun, O. Das fremde Rußland. Rußlandbilder in der deutschen Literatur 1900 - 1945. Frankfurt a. M., u.a. 2006.

¹⁴ Fussel, P. Abroad. British literary traveling between the wars. New York, Oxford: Oxford University Press, 1980; Mills S. Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism London; New York: Routledge, 1991; Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republik zum «Dritten Reich»/ Hrsg. von Peter J. Brenner. Tübingen: Niemeyer, 1997; Shankar S. Textual Traffic. Colonialism, Modernity, and the Economy of the Text. State University of New York Press, 2001; Smith S. Moving Lives. Twentieth-Century Women's Travel Writing. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001; Cultural encounters. European travel writing in the 1930s / Ed. by Ch. Burdett, D. Duncan. New York: Berdahn books, 2002; Healey K. J. The Modernist Traveler. French Detours, 1900-1930. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003; Scott D. Semiotics of Travel. From Gautier to Baudrillard. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2004; Forsdick Ch. Travel in the twentieth-century French and francophone cultures: the persistence of diversity. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005.

туризму»¹⁵, а также монографию П.Адамса «Литература путешествий и эволюция романа»¹⁶. Если Лид выстраивает историческую типологию, опирающуюся на разнообразие форм передвижения и различие целей путешествия в различные эпохи, то Адамс усложняет описание: на историческую типологию (отражающую, скорее, эпохальное сознание и географические представления человечества) он накладывает типологию используемых в литературе путешествий литературных форм. Путешествия подразделяются на типы по содержанию: (литературные) путеводители и отчеты о поездках – и по формам нарратива: письма, дневник (журнал), простое повествование от первого лица, а также многие атипичные формы. Эти типы прослеживаются на огромном историческом материале от античности до XVIII века во взаимодействии с «представлениями эпохи». Кроме того, типология путевой литературы тесно взаимодействует с развитием обычной беллетристики. Выделяя типы путевого повествования, Адамс добавляет к рассказам путешественников, ведущихся от третьего лица, путевым журналам и мемуарам, построенным от первого лица, эпистолярный жанр – т.е. роман в письмах, широко использующийся и вне литературы путешествий. Рассуждая о видах действия в путевых текстах, он прослеживает, например, влияние, оказанное на травелоги плутовским романом; различные виды «отступлений» («digressive structure»), «встроенных нарративов», включающих в литературу путешествий близкие повествовательные жанры. Некоторые путешествия (например, «Путешествие» Т.Д.Смоллетта) Адамс подразделяет на «fictional elements» (элементы художественной литературы) и «travel book elements» (элементы литературы путешествий), а «Сентиментальное путешествие» Л.Стерна использует для иллюстрации того, что грань между собственно литературой и путевой литературой нестабильна и меняется с течением времени.

Особое внимание в обеих рассмотренных типологиях уделяется сознанию путешественника: трансформациям, происходящим в его сознании; а также аберрациям, которые претерпевают в его сознании путевые картины. В последнее время говорят не столько о типах сознания путешественника, сколько о нарративных конструкциях, соответствующих эпохальным представлениям о мире. На этом строит свою типологию К.Блэнтон в монографии «Литература путешествий. Личность и мир»¹⁷.

---

¹⁵ *Leed E.J.* The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism. Basic Books, A Division of Harper Collins Publishers, [1991].

¹⁶ *Adams P.G.* Travel Literature and the Evolution of the Novel. Lexington, Kentucky, 1983.

¹⁷ *Blanton C.* Travel Writing. The Self and the World. New York: Twayne Publishers, [1997].

К традиционным признакам описания литературы путешествий часто добавляют гендерный аспект (особо выделяются женские и мужские путешествия)¹⁸, классификацию способов передвижения (видов транспорта, которые определяют скорость движения и подробность видения)¹⁹, а также те или иные идеологические концепции, меняющиеся от эпохи к эпохе, среди которых основополагающей считается колониализм. С этой точки зрения очень важны для понимания литературы путешествий и философские работы о колониальной идеологии – прежде всего книга Э.Саида «Ориентализм»²⁰.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью путешествий в русской литературе. Насущное требование современной истории литературы – проследить развитие литературного путешествия в русской литературе XVIII-XX вв., сделав особенный упор на путешествия XX века – периоде массовых путешествий и пике развития травелога. Необходимо разработать типологию литературных путешествий на материале русской литературы, составить список жанровых форм, используемых литературой путешествий, а также определить закономерности развития травелогов в России. Типологическое изучение литературы путешествий придаст иной ракурс привычной истории литературы, переориентирует ее с фигуры автора на процесс изменения жанровых форм и более крупных, наджанровых образований.

Цели и задачи работы

Цели:

- 1) исследовать «путешествия на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов;
- 2) изучить широкий контекст литературы путешествий 1920-1930-х годов;
- 3) создать типологию литературных путешествий, созданных советскими писателями, опираясь на исследования текстов 1920-1930-х годов и широкого литературного контекста.

Задачи:

- 1) изучить традицию исследования травелогов в западном литературоведении и определить, насколько применимы существующие методы изучения литературы путешествий к материалу русской литературы;
- 2) сформировать терминологический аппарат для описания русской литературы путешествий;

---

¹⁸ *Mills S. Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism* London; New York: Routledge, 1991; *Healey K. J. The Modernist Traveler. French Detours, 1900-1930.* Lincoln: University of Nebraska Press, 2003.

¹⁹ *Mills S. Ibid.*

²⁰ *Said E.W. Orientalism.* New York: Pantheon Books, [1978].

3) исследовать пути развития литературы путешествий в России и, в частности, проследить историю «путешествий на Запад» в русской литературе.

4) наметить этапы развития литературы путешествий и, в частности, путешествия на Запад в 1920-1930-е годы;

5) описать каждый из этапов как создание и развитие текстовых структур;

6) провести архивные исследования и сравнить тексты путешествий на Запад с черновиками, набросками, дневниками – неопубликованными документами, касающимися поездок в Европу;

7) сопоставить тексты путешествий на Запад с аналитическими статьями о Западе, публиковавшимися рядом с путешествиями на страницах толстых журналов;

8) поместить тексты путешествий советских писателей в контекст литературы русской эмиграции и контекст европейских литератур;

9) определить критерии выделения типов путешествий;

10) построить типологию путешествий.

Объект, предмет и материал исследования

Объектом исследования является функционирование травелога в русской литературе.

Предмет исследования – русское «путешествие на Запад», его жанровые и структурные характеристики; проявляющийся в текстах менталитет путешественника, связанный с комплексом представлений о «русском европейце»; коммуникативные стратегии «путешествия на Запад»; типы «путешествий на Запад» и их функционирование в литературном процессе 1920-1930-х годов – кульминационном периоде европейской литературы путешествий.

Материал исследования – травелоги 1920-1930-х годов, описывающие путешествия по маршруту «Москва/Ленинград – Берлин – Париж», книжно-журнального (т.е. не газетного) формата. Это книги, циклы очерков, а также небольшие самостоятельные травелоги, публиковавшиеся в толстых журналах. Среди авторов травелогов – как писатели, поэты и публицисты первого ряда, так и менее известные авторы. Это А.Я.Аросев, А.Белый, С.А.Есенин, И.Ильф, В.М.Инбер, В.П.Крымов, Н.Корнев, Б.А.Кушнер, В.Г.Лидин, В.В.Маяковский, Н.Н.Никитин, Л.В.Никулин, Н.Осинский, Е.Петров, Б.Пильняк, М.Л.Слонимский, О.Д.Форш, С.Б.Членов, М.Ф.Чумандрин, И.Г.Эренбург и другие. Основной материал исследования дополнен рядом путешествий на Запад XVIII-XIX веков и начала XX века (Д.И.Фонвизин, Н.М.Карамзин, Ф.Н.Глинка, А.И.Герцен, Ф.М.Достоевский,

М.Горький и др.), а также путешествиями, созданными в 1920-1930-е годы в литературе эмиграции (Р.Б.Гуль, Г.В.Иванов, В.В.Набоков и др.).

Научная новизна

Научную новизну работы определяют:

1) неизученность русской литературы путешествий XIX-XX вв., а также отсутствие сложившейся традиции анализа травелогов этого периода. Мощная традиция западного литературоведения мало применима к русскому литературному материалу. В ходе диссертационного исследования были выработаны методы для анализа нового материала, введенного в научный оборот.

2) выбранный теоретический аспект исследования. Травелог изучается с типологической точки зрения.

3) выбранные для анализа эпоха и литературный материал. Впервые русская литература путешествий рассматривается параллельно западным традициям травелогов. Период максимального расцвета литературы путешествий (1920-1930-е годы) позволяет лучшим образом проследить ее внутренние закономерности. Идеологический прессинг советской идеологии помогает обнаружить некоторые общие закономерности идеологизации путешествий.

Выделение «проблемы травелога» позволяет объединить тексты различных родов и жанров, интертекстуальные связи между которыми ранее оставались без внимания. Новизна постановки темы задала необходимость авторского решения ряда проблем, имеющих важное историко-литературное, культурологическое и социокультурное значение.

Методологическая основа и конкретная методика исследования

Методологическая основа и конкретная методика исследования обусловлены его междисциплинарным характером. При системном анализе травелогов учитывается широкий литературоведческий, исторический, социально-философский, культурологический контекст. В исследовании использовались структурный и структурно-типологический методы, традиции постструктурализма, метод деконструкции. Методологически работа опирается на труды М.М.Бахтина, Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, Ж.Деррида, П.Адамса, Э.Саида, М.Балиной, Е.Добренко. Используются приемы анализа и подходы к исследованию текста, разработанные Б.М.Эйхенбаумом, М.М.Бахтиным, В.Я.Проппом, Ю.М.Лотманом, Р.Бартом.

В ходе работы разработана собственная авторская методология идеологического анализа. На первом этапе это чтение текстов с точки зрения имманентных им идеологических парадигм и выделение в текстах идеологем. На втором этапе на выделенные идеологемы как бы накладывается увеличительное стекло, что помогает осуществить

трехстороннее деструктурирование текста: 1) выявление логических несоответствий внутри идеологических конструкций; 2) отделение общепонятных, общечеловеческих смыслов от идеологических смыслов; 3) подчеркивание нестыковок между идеологическими элементами и сюжетно-тематической структурой.

Методика идеологического анализа позволяет не только выделять в тексте идеологемы, освобождая их от внутритекстовых связей, но и отслеживать механизмы привязки идеологем к определенным текстовым массам. Идеологический анализ необходим и может широко применяться для анализа идеологической литературы, находящейся на грани искусства и пропаганды.

Основные положения, вынесенные на защиту

1. Литература путешествий – наджанровое образование (метажанр, по аналогии с термином «метатекст», в понимании А.Вежбицкой); особая литературная форма, отличная от беллетристики (в традиционном понимании термина); развивающаяся параллельно доминирующему в XIX-XX веках роману.

2. «Путешествие на Запад» – важнейшая часть русской литературы путешествий XVIII-XIX-XX веков, использовавшая различные традиционные литературные жанры. История русского «путешествия на Запад» чрезвычайно важна с точки зрения развития национального самосознания и должна изучаться комплексно: со структурно-литературоведческой, историко-филологической, культурологической, философской точек зрения.

3. Традиция «путешествий на Запад», зародившись в древнерусской литературе, сформировалась в XVIII-XIX веках. К началу XX в. «путешествие на Запад» было сложившейся литературной формой.

4. Русская литература 1920-х годов переосмысляет отношения (Советской) России и Европы, создавая новое понимание мирового пространства – «революционную географию».

5. На фоне «революционной географии» формируются новые традиции советского «путешествия на Запад». Советский травелог создает идеологически правильную картину Запада. Он имеет двух адресатов: читателя внешнего и читателя внутреннего. Текст травелога ориентирован на обоих читателей и осуществляет связь между ними, рассказывая западному читателю о советском человеке, а советскому читателю – о населении Запада.

6. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов разделяется на три этапа. Первый: первая половина 1920-х годов. Второй: вторая половина 1920-х годов. Третий: 1930-е годы. Выделение этапов развития путешествия произведено на основе 1) идеологического задания путешествия и текста о нем; 2) позиции путешественника и

повествователя; 3) жанрового оформления травелога; 4) внутренней структуры поездки и текста о ней.

7. Три этапа развития советского путешествия актуализируют три типа русского путешествия на Запад, которые можно условно обозначить как «Агитационное путешествие», «Либеральное путешествие», «Тоталитарное путешествие». Три этих типа можно проследить на протяжении всего существования русских путешествий на Запад. Агитационное путешествие связано с экспортным типом коммуникации, стремлением навязать Европе собственные ценности, переделать Запад согласно русскому представлению о нем. Либеральное путешествие признает ценность Другого, его культуры и образа жизни. Тоталитарное путешествие полностью подчиняет Запад идеологическим представлениям, бытующим в собственной культуре, и подгоняет реальные впечатления путешественника к заранее заданной идейной раме. Каждый тип имеет собственную структуру и набор жанров, ее обслуживающих.

8. Переход от одного типа путешествия к другому совершается постепенно, на каждом этапе литературного развития бытуют переходные формы, комбинирующие элементы разных типов.

9. Взаимодействие трех типов путешествий в одном идейном и литературном пространстве можно показать на примере путешествий на «крайний Запад» – в Англию и Америку. Поскольку количество американо-английских травелогов значительно уступает европейским, мы можем рассмотреть их в единстве. Англия и Америка рассматриваются в 1920-1930-е годы как двуединый образ главного врага.

10. Для проверки полученных выводов можно использовать «вымышленные путешествия» – повести и романы с географическим сюжетом, где вымышленные персонажи совершают перемещения в пространстве. Другой способ проверки – сопоставление с травелогами в европейских литературах и литературе русской эмиграции. Такая проверка выполнена для 1920-х и 1930-х годов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что это первый научный опыт анализа травелога на материале русской литературы за длительный период времени (два десятилетия). В диссертации разрабатывается понятийный аппарат и теоретическая база, которые могут быть использованы в дальнейшем при изучении травелогов. Анализ травелогов строится на междисциплинарной основе, что позволяет по-новому взглянуть на традиционную культурологическую, философско-историческую проблему «Россия и Европа». Впервые разработана типология путешествий на русском материале. Диссертация закладывает основы для продолжения работы по изучению литературы путешествий.

Практическое значение работы состоит в том, что изучение истории и типологии травелога позволяет предложить иной взгляд на историю русской литературы. Эта новизна крайне востребована не только в научном литературоведении, но и в вузовском преподавании литературы. История литературы путешествий может составить предмет университетских спецкурсов и спецсеминаров, а также способствовать пересмотру содержания и методики преподавания общих историко-литературных курсов. Особая методика изучения травелога может войти и в вузовские курсы по теории литературы. Возможно использование данной диссертации и в школьном преподавании литературы при анализе «путешествий» XVIII века и текстов с географическим сюжетом. Кроме того, положения диссертации могут быть широко использованы в преподавании смежных с филологией дисциплин: социокультурных коммуникаций, истории и теории культуры, истории России.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены на заседаниях кафедры литературы и кафедры литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (2004-2013 годы); на заседаниях междисциплинарного семинара «История и теория культуры», (Историческое общество при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2006-2010 годы); на международных научных конференциях «Берлин – Париж – Москва. Взгляд другого» (Университет Оснабрюка, Германия, 2004), «Берлин – Париж – Москва» (Серизи, Франция, 2004), «Беглые взгляды. Перечитывая русскую литературу путешествий 20 века» (Университет Бремена, Германия, 2006), «Россия в Европе» (Университет Хельсинки, Финляндия, 2007), «Эстетика нравственности. ИмPLICITные неполитические табу в советской литературе 20-30-х годов» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), Санкт-Петербург, 2008); Феноменология путешествия (Санкт-Петербургский государственный университет, Президентская библиотека, Санкт-Петербург, 2013); Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург – Кронштадт, 2007); на межвузовских научных конференциях «Литературные чтения» (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2007-2012).

Результаты исследования апробированы в процессе преподавания истории русской литературы XX века в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств, а также при подготовке спецкурса для бизнес-школы «Взмах» (С.-Петербург).

Публикации

По теме диссертации опубликованы три монографии объемом 16, 22 и 24 а. л. Основные положения работы нашли отражение в семнадцати статьях в международных рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также в ряде статей в иных научных и литературно-публицистических изданиях.

Публицистический аспект темы был апробирован в подготовленной автором диссертации серии статей и публикаций в журнале «Нева» (2008 год, премия журнала «Нева» за лучшую публикацию года).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. Завершает работу Раздел «Библиография».

Основное содержание работы

Во «Введении» сформулированы актуальность исследования, степень изученности проблемы, цели и задачи работы. Большую часть введения занимает обзор научных традиций, изучающих литературу путешествий. Основной акцент сделан на терминологическом аппарате, которым пользуются ученые. Как уже было сказано, терминология в этой сфере значительно размыта, поэтому до начала исследования приходится выбрать собственные терминологические ориентиры. Мы полагаем, что путешествие как поездка и путешествие как сочинение о поездке должны быть четко разделены в научном описании. Для этого рядом с термином «путешествие» используется термин «травелог», введенный в отечественную традицию А.М.Эткингом²¹. Семантический параллелизм путешествия и травелога подчеркивает метатекстовую природу литературы путешествий. Кроме того, необходимо разделить «вымышленное путешествие» и «реальное путешествие» («imaginary voyage» и «real voyage» в терминологии Ф.Гоува²²). Вымышленные путешествия, на наш взгляд, следует отнести к обычной беллетристике, только реальные путешествия порождают травелоги (литературу путешествий). Структурным признаком травелога следует считать описание передвижения, организующее линейное развертывание текста. Маршрут путешественника во многом определяет и композицию и жанровое строение произведения²³. Особое внимание при анализе литературы

---

²¹ Эткинд А. Указ. соч.

²² Gove Ph. B. *The Imaginary voyage in prose fiction. A history of its criticism and a guide for its study, with an annotated check list of 215 imaginary voyages from 1700 to 1800.* [London], The Holland Press, 1961. P. VIII.

²³ Gove Ph. B. *Ibid.*; Adams P.G. *Ibid.*; Shankar S. *Textual traffic. Colonialism, modernity, and the economy of the text.* State University of New York Press, 2001; Smith S. *Ibid.*

путешествий следует уделить идеологемам, существующим в сознании путешественника задолго до поездки: они во многом определяют видение иных земель. Часто взгляд путешественника предопределен заранее, иногда (особенно ярко в путешествиях эпохи сентиментализма) путешественник движется не столько по географическому пространству, сколько по пространству собственных чувств и представлений²⁴ (нередко сентименталистские путешествия по этой причине не включаются в литературу путешествий²⁵). Путешествие на Запад изучается по основному, самому распространенному маршруту, обусловленному как давними культурными связями России, так и направлением советской внешней политики: Германия – Франция – Англия/США. Вместе с тем, это маршрут движения социалистической идеи, движения к мировой (европейской) революции, поэтому советский травелог этого периода столь важен с культурологической точки зрения.

При обзоре научных работ, посвященных истории литературы путешествий, выделены те подходы и способы анализа текста, которые могут оказаться существенными для исследования русской литературы путешествий 1920-1930 годов. В работах, посвященных древнерусским хождениям, выделен анализ моментов, когда в традиционные этикетные приемы вторгаются «сильные детали» – своеобразные «миниатюры», впускающие в текст живое слово и непосредственные впечатления путешественника²⁶. В текстах 1920-1930-х годов проблема различения шаблона и живого слова тоже выходит на первый план. Отмечено различие профанных и сакральных пространств в древнерусских текстах, а также в путешествиях петровской эпохи²⁷ – поскольку советский травелог реактуализирует идеологемы прежних эпох и свойственную древнерусской культуре систему представлений о пространстве. В сентиментальных путешествиях XVIII столетия весьма полезными для выполнения поставленных задач представляется техника наблюдения за литературной позой повествователя и семиотическая дешифровка текста о поездке²⁸. Гендерный подход (сам по себе неактуальный для прочтения советского травелога) дает инструментарий для анализа самоидентификации путешественника²⁹; концепт «экзотизм», предложенный Ч.Форсдиком, и

---

²⁴ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, Лен. отд., 1987. С. 525-606; *Said E.W.* Ibid.

²⁵ *Adams P.G.* Ibid.; *Шкловский В.* «103 дня на Западе» Б.Кушнера // Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Захаров, 2000. С. 259.

²⁶ *Лурье Я.С.* Русский «чужеземец» в Индии XV века // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, Лен. отд., 1986. С. 74.

²⁷ *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 407-412; Травников С.Н. Путевые записки петровского времени (проблема историзма) М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1987.

²⁸ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Указ. соч.

²⁹ *Smith S.* Ibid.

методика описания франкоязычных путешествий этого периода в колониальные страны³⁰ помогают посмотреть на «колониальное сознание» путешественников особым образом и разглядеть его в советском травелоге. Наконец, важную помощь в изучении советских путешествий оказывают работы о роли путешествий в других тоталитарных культурах – прежде всего, в Германии 1930-х годов.³¹

Часть «Введения» посвящена традиционной истории вопроса, в которой особо выделены работы М.Балиной, А.Эткинда, В.С.Кисселя, Г.А.Тиме и ученых из Германии и Франции, принимавших участие в проекте «Взгляды Других (Die Blicke der Anderen)» (см. выше). Тем не менее, историей вопроса работы предшественников могут быть названы лишь с определенной оговоркой, так как задачи, поставленные в исследовании, претендуют на новаторский подход.

Первая глава «На пути к советскому “путешествию на Запад”» делится на два раздела. **Первый раздел «“Путешествие на Запад” в русской литературе»** предлагает читателю краткую историю метажанра в русской литературе. Условным началом «путешествий на Запад» можно посчитать «Хожение на Флорентийский Собор» (XV в.) и «статейные списки» русских. Обзорно рассмотрены путешествия XVII в. – посольство П.И.Потемкина в Испанию и Францию; путешествие боярина Б.П.Шереметева на Мальту (через Краков – Вену – Рим), путешествия петровской эпохи – «Дневник» путешествия по Италии стольника П.А.Толстого и др., а также наиболее известные путешествия XVIII в. (Н.М.Карамзин, Д.И.Фонвизин). Все эти тексты хорошо изучены с жанровой точки зрения.

Наибольшее внимание раздел уделяет текстам XIX и начала XX в., поскольку на сегодняшний день нет работ, комплексно изучающих литературу путешествий этого периода. Пунктиром обозначив (мета)жанровую историю на протяжении более чем двух столетий, указав на репрезентативные тексты и ни в коей мере не претендуя на исчерпывающую полноту сделанного обзора, мы наметили интертекстуальные связи, ранее не отмечавшиеся. Например, «Письма русского офицера» Ф.Н.Глинки, с одной стороны, продолжают стилистические традиции как петровской эпохи (путешествие по службе, под командой начальников и с политическими целями), так и эпохи сентиментализма (описанию переживаний путешественника уделено много внимания), с другой стороны, формируют новые культурные стереотипы: россияне у Глинки оказываются носителями подлинной культуры, передающими истинные ценности одичавшей Европе. Этот культуртрегерский настрой сохраняется практически во всех травелогах до 1840-х годов. Другой пример: между

---

³⁰ Forsdick Ch. Travel in the twentieth-century French and Francophone cultures: the persistence of diversity. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005; Cultural encounters. European travel writing in the 1930s. / Ed. by Charles Burdett, Derek Duncan. New York; Oxford: Berghahn Books, 2002.

³¹ Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republik zum “Dritten Reich”. Hrgs. Von Peter J. Brenner. Tübingen: Niemeyer, 1997.

травелогами Ф.М.Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях») и М.Е.Салтыкова (Н.Щедрина) («За рубежом»), несмотря на существенные идейные различия упомянутых авторов, обнаруживается общность жанровых признаков, определяющая общность идейных концептов.

В истории путешествий на Запад выделен ряд устойчивых идеологем (практически не зависящих от политических убеждений авторов, а находящихся, скорее, в сфере «скрытой идеологии», в общих чертах разделяемой всем обществом), восходящих к древнерусскому «литературному этикету», к традициям сентиментализма, к ментальности александровской и николаевской эпох. Уже к середине XIX в. Берлин, Париж, Лондон получают фиксированные характеристики, которые продолжают влиять и на травелоги советского периода. Общекультурные стереотипы по отношению к Западу, сложившиеся в XIX в., сохраняют свою актуальность и в советский период.

Критика Запада как локуса бездуховности, безнравственности, антипространства вообще, восходящая к традициям древнерусской книжности, четко прослеживается в травелогах XVIII-XIX вв. и уравнивает апологетику Запада, встречающуюся в иных травелогах этого периода. Так, «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина противостоят «Письмам из-за границы» Д.И.Фонвизина, «Письма русского офицера» Ф.Н.Глинки переосмысливают карамзинскую традицию и объединяют ее с фонвизинской, «Поездка в Германию» Н.И.Греча или «Год в чужих краях» М.П.Погодина уже ориентированы на травелог Глинки. Наконец, к середине XIX в. складывается травелог, выстраивающий общение русского с Европой на равных, свидетельством чему можно назвать «Парижские письма» П.В.Анненкова – «многотемный репортаж»³², проникнутый тонкой иронией, судящий взором просвещенного русского просвещенную европейскую жизнь. В дальнейшем, начиная с современника Анненского А.И.Герцена («Письма из Франции и Италии»), Европа окажется недостаточно просвещенной для просвещенного русского. Отныне критика Европы строится на эффекте неоправданных ожиданий: «Русский, напротив, страстный зритель, он оскорблен в своей любви, в своем уповании, он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые от избытка любви и доверия»³³. Интересно, что почти так же рассуждает Версильев в романе Ф.М.Достоевского «Подросток», озвучивая, по-видимому, авторскую мысль. Формы травелога, сложившиеся в 1860-е годы, определяют всю литературу путешествий до конца XIX столетия. Г.И.Успенский в нескольких очерках, Щедрин в книге очерков «За рубежом» и др. развивают критику европейской цивилизации.

---

³² Конобеевская И.Н. Парижская трилогия и ее автор // Анненков П.В. Парижские письма. М.: Наука, 1983. С. 453.

³³ Герцен И.А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Письма из Франции и Италии. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 220.

В литературе серебряного века путешествия на Запад почти несущественны. Серебряный век интересуют прежде всего древние цивилизации, путешествия на Восток, а не на Запад – этим можно объяснить затухание литературных путешествий в Европу. Литераторы серебряного века ездили в Европу часто, жили в ней подолгу, ощущали себя там своими. Могло показаться, что вопрос о европеизме России окончательно решен в положительном смысле. Травелогами в большей или меньшей степени можно посчитать поэтический цикл Саши Черного «У немцев» или «Экспедицию в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» А.Т.Аверченко. Оба эти текста обыгрывают представления о европейских странах и национальных характерах, сложившиеся в XIX веке. Зато на рубеже веков в русской литературе появляется путешествие за океан. Повесть В.Г.Короленко «Без языка» не может быть названа травелогом в чистом виде. Это повесть с вымышленными героями, имеющая собственный сюжет, не сводимый к поездке автора в США. Однако элементы травелога усмотреть в этом тексте можно: сюжетом повести становится вживание главного героя в чуждую и непонятную ему американскую жизнь, понимание важности и ценности Другого. Однако советский травелог ориентировался на иную традицию восприятия США – прежде всего, на очерки М.Горького «В Америке».

В первом разделе первой главы установлено, что травелоги XIX – начала XX вв., опираясь на архетипы (древнерусского) путешествия в несправедную землю и (петровского) путешествия за наукой, формируют два основных пред-типа западного путешествия: пред-агитационное путешествие и антипутеводитель. Это именно пред-типы – т.е. формы, не до конца сложившиеся, с очень свободной структурой, объединенные исключительно текстовой стратегией и четкой системой оценок. Окончательное формирование типологии путешествия на Запад произойдет уже в советскую эпоху.

Второй раздел «Советский географический роман 1920-х годов» представляет собой обзор советского романа 1920-1930-х годов с географическим сюжетом (по терминологии Ф.Гоува, это вымышленные путешествия). Таким образом, «путешествие на Запад» вписывается в контекст традиционной художественной литературы. Географический роман 1920-х годов развивается параллельно травелогам и отчасти влияет на него. Географический роман может быть использован для изучения той картины мира, которая (по Саиду) целиком определяет видение путешественников.

На основе пяти текстов трех разных по политическим убеждениям и литературной позиции авторов – «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» (1922) и «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923) И.Г.Эренбурга, «Города и годы» (1924) К.А.Федина, «Гиперболоид инженера Гарина» (1925-1926) и «Эмигранты» (первоначальное

заглавие – «Черное золото», 1931) А.Н.Толстого – выстроена схема «классовой географии» (как выражались советские толстые журналы), основанная на отношении к Европе русских классиков и переосмысленная согласно революционной геополитике.

Европа предстает как вектор, направленный на восток – к истине, правде и справедливости. Вектор поделен на зоны: Франция – Германия – Восточная Европа – Советская Россия. За каждым топосом закреплены определенные значения: Франция – «бабушка революции», впавшая в маразм и мещанство; Германия – грабительски эксплуатируемая новым капиталистическим миропорядком страна, реторта революции; Восточная Европа – лакей мирового империализма, равно готовый качнуться на запад и восток; Советская Россия – воплощенная правда-справедливость. Вдали от Европы, за непреодолимой водной преградой расположены локусы абсолютного зла: Великобритания и США.

Характеристика героя целиком зависит от его локализации в географическом пространстве. Чем прогрессивнее мыслит герой, тем далее он перемещается на восток. И наоборот: герой, которому не место в Советской России, окажется там, где должен быть, – в эмиграции, на западе. В сюжете географического романа зарождающийся соцреализм со своей принципиальной, многократно повторяемой схематичностью совпадает с сознательно упрощаемой мировоззренческой установкой советской интеллигенции. Практически любой географический роман советской литературы периода 1920-х годов (с европейским сюжетом) выдерживает описанную схему.

В качестве проверки сделанных выводов используется обнаруженное в РГАЛИ коллективное сочинение Н.А.Адуева, А.М.Арго, Д.Г.Гутмана, Л.В.Никулина и В.Я.Типота «Европа – что надо» (1925), «пространное странствие странного странника по иностранным странам. Кругосветное обозрение в 8-ми картинах с интермедиями»³⁴. Главный герой – Павел Николаевич Поль – бежит из Москвы за границу в поисках спокойной жизни. Он последовательно пробегает «Корчму на литовской границе», Польшу, Германию, Францию, Англию (выступающую в функции заокеанского хозяина) и нигде не находит спокойствия. Каждая сцена завершается предвестием-напоминанием о неминуемой революции. В финале Поль возвращается в Москву. Любое движение по Европе приводит в реализованную утопию – оплот спокойствия и справедливости, вечное царство правды, Советский Союз.

Изучив предшествующую традицию русских путешествий на Запад и ознакомившись со схемой параллельного советскому травелогу географического романа, мы переходим непосредственно к путешествию на Запад 1920-1930-х годов.

---

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2897. Оп. 1. Ед. хр. 9.

Вторая глава «“Агитационное путешествие”. Начало 1920-х годов» рассматривает первый тип советского путешествия. Он формируется в самом начале 1920-х годов и к середине 1920-х годов достигает пика. Этот тип выстраивается на основе «экспортной коммуникации» – признании собственных ценностей абсолютными и стремлении распространить их на весь мир. Писатели и поэты, выезжающие из Советского Союза в Европу, путешествуют отчасти с разведывательной целью (выяснение настроений в странах вероятного противника), отчасти с рекламной целью (показать, что Советский Союз не царство жестокости и дикости, что в стране диктатуры пролетариата формируется новая культура). Однако главная их цель – пропаганда и агитация. Демонстрация достоинств советской культуры и шире – советского образа жизни должна работать на мысль о мировой (или хотя бы всеевропейской) революции. Кроме того, советские литературные путешественники получают и дипломатическую функцию: они могут ехать в те страны, дипломатические связи с которыми еще не установлены; в этом плане культурные контакты получают политическое значение. Таким образом, определение, предложенное В.В.Маяковским своей миссии путешественника в американском цикле стихотворений – «полпред стиха», следует воспринимать не как метафору, а как прямое обозначение дипломатического задания.

Материалом главы становятся очерки и стихотворные травелоги³⁵ В.В.Маяковского, очерки и книги левовцев С.М.Третьякова, Б.А.Кушнера, очерки занимающего стороннюю политическую позицию И.Г.Эренбурга, очерки и книги советских партийных деятелей С.Б.Членова, А.А.Иоффе, А.Я.Аросева. К ним в качестве отдельного сюжета добавляется «берлинский очерк», создававшийся в начале 1920-х годов в Германии эмигрантами Р.Б.Гулем, В.П.Крымовым или временными эмигрантами А.Белым и А.Н.Толстым. Эмигрантский «берлинский очерк» важен в этом контексте потому, что его оценки Берлина, Германии и Европы практически совпадают с оценками советских полпредов или «полпредов стиха». Можно сказать, что советский травелог не только следует новой советской идеологии, но и продолжает традиции русских дореволюционных травелогов. Таким образом, можно предположить, что внутренние закономерности литературного процесса влияют на советский травелог не менее, чем государственная идеология РСФСР

---

³⁵ П.Адамс полагает, что литература путешествий существует и в стихотворной форме (*Adams P. G. Ibid., P. 44*). Думается, подходить к стихотворениям Маяковского как к очеркам-отчетам правомерно именно по той причине, что сам поэт на протяжении всего советского периода творчества воспринимал свое искусство в прагматическом русле, уподобляя поэтические тексты советской документации. Советские исследователи творчества Маяковского часто сблизляют очерковые и стихотворные тексты (см., напр.: *Перцов В. Маяковский. Жизнь и творчество в последние годы. 1925-1930. М.: Наука, 1965. С. 24*). Соображение о том, что стихотворение имеет иную природу, нежели очерк и прозаический травелог, в данном случае не играет роли, ибо Маяковский (вслед за некрасовской традицией русской поэзии) выстраивает стихотворение согласно очерковой поэтике.

(СССР) и внешнеполитические задачи, которые ставит перед путешественниками советское правительство.

Текст травелога и реальное путешествие советского писателя далеко не всегда совпадают. К сожалению, подлинная жизнь советских путешественников за границей мало документирована. Однако сохранились некоторые источники, позволяющие (далеко не полностью) проследить поведение советских писателей и поэтов в поездке – это эмигрантская периодика (прежде всего парижская газета «Последние новости», освещавшая пребывание в Париже самых знаменитых советских литераторов), а также записные книжки и личные записи самих путешественников (этот источник тоже не полон, ибо, во-первых, далеко не каждый советский писатель хранил свои частные записи; во-вторых, даже если они сохранились, то они пунктирны и отрывочны – сказывается самоцензура и опасность попадания частных записей в чужие руки). Если источники такого рода существуют, то они используются в исследовании для создания параллелизма между сюжетом травелога и событиями путешествия.

Основными жанрами агитационного путешествия становятся очерк и агитационное стихотворение (очерк при этом количественно преобладает. Даже в стихотворном творчестве Маяковского можно проследить движение от поэтики официальной речи к поэтике стихотворения-очерка). К очерку добавляются производные жанры: стихотворный очерк, серия очерков, книга очерков. Рассматривая «путешествие на Запад» как метатекст, мы объединяем работы разных авторов, изучаем единый текстовый поток. Движение революционной идеи на Запад накладывается на движение путешественника и формирует первые жанровые каноны советского путешествия.

Первый раздел **«Лимитроф как культурная провинция»** рассматривает описания лимитрофов (Эстония, Латвия, Литва), а также новых государств Восточной Европы в ранних советских травелогах. Обычно советский писатель (поэт) начинает свое путешествие с Латвии, с которой на момент начала писательских поездок за границу уже установлены дипломатические отношения. Описания Латвии и Риги встречаются в травелогах первых советских лет, затем она пропадет со страниц советской литературы: путешественники перестанут заезжать в «прихожую Европы» (так В.Ричиотти назвал Голландию³⁶, но функционально это определение могли применить и к лимитрофам). Латвия (чуть позднее в этой же функции будут встречаться государства Восточной Европы – особенно Польша, уменьшенная до немислимых размеров Австрия, а также маленькие европейские государства вроде Бельгии и Нидерландов) подается как модель буржуазной страны, осколок Российской империи, сохранивший все курьезы и минусы старой имперской жизни. Игрушечность,

---

³⁶ Ричиотти, В. Прихожая Европы // Звезда. 1927. № 1. С. 130-146.

«невсамделишность» – основной мотив описания. Уничжительное отношение к Латвии и другим маленьким странам связано, во-первых, с тем, что все они на много лет отстали от «авангарда человечества», и, во-вторых, с их зависимой ролью в европейской политике. Они – не игроки, они лакеи той или иной большой страны или мирового империализма в целом.

Путешественник из Советской страны оказывается единственной реальностью внутри карточного домика рижской демократии, он Гулливер в стране лилипутов. Позиция советского путешественника, таким образом, сама по себе несет вызов: Гулливеру достаточно пошевелить пальцем, чтобы разрушить картон. Часто путешественник рассматривает маленькие государства как барьеры, расставленные на его пути: понятия «прихожая» и «виза» тесно связаны в сознании советских авторов. Именно в Риге первые путешественники в Европу ожидают виз и не всегда их получают.

Первой настоящей европейской страной путешественник считает Германию – основного европейского партнера Советской России, начиная с 1922 года. На примере стихотворений Маяковского «Германия» (1922-1923), «Москва – Кенигсберг» (1923), «Киноповітрие» (1923), «Нордерней» (1923), «Уже!» (1923), «Солидарность» (1923), «Два Берлина» (1924), наложенных на очерк Маяковского «Сегодняшний Берлин» (1923), немецкие очерки И.Г.Эренбурга (1922-1924), очерков С.Б.Членова «Современный Берлин (Мимолетные впечатления)» (1923), книги В.Г.Лидина «Морской сквозняк» (1923), по многим признакам близкой травелогу, ряда сочинений А.Белого, писем А.Н.Толстого (напоминающих по форме очерки), книги Р.Б.Гуля «Жизнь на фукса» (1927), книги Б.А.Кушнера «Сто три дня на Западе» (1928) и некоторых других травелогов прослеживается отношение советского путешественника (русского эмигранта, рассматриваемого в роли путешественника – как предложено Г.А.Тиме) к Германии. Выводы, сделанные при анализе перечисленных литературных текстов, проверены при помощи политико-агитационных статей, соседствующих в толстых журналах с художественными произведениями (среди авторов статей такого рода – видные политические деятели: Л.Троцкий, Г.Зиновьев, И.Майский и др.).

Восприятию Берлина и Германии посвящены разделы **«Послевоенная Европа в восприятии Маяковского. Формы агитационной поэзии»** и **«“Берлинский очерк” как переходный жанр»**. Маяковского можно назвать пионером советского травелога: он намечает маршруты поездок, легко и свободно оперирует идеологическими значениями, находя для них удобную поэтическую форму. Берлинский очерк, напротив, ориентирован на предшествующие литературные традиции и осмысляет современные процессы в свете книги О.Шпенглера «Закат Европы». В жанре берлинского очерка работают как эмигранты (в том числе временные эмигранты, стремящиеся к возвращению в СССР), так и советские

путешественники. Тем интереснее, что оценки Берлина во всех этих текстах близки и сопоставимы.

В 1922-1923 годах Берлин, по мнению советских писателей, должен стать вторым Петроградом, следующей европейской столицей, вершащей социалистическую революцию (особо звучит в этом контексте тема Гамбурга; Бавария и Мюнхен уже почти не упоминаются). Надвигающаяся революция – центральная тема практически всех немецких стихотворений. Иногда революция становится вполне осязаемой – при помощи развернутой метафоры (как в стихотворении «Нордерней»), иногда она воспринимается неотвратимой по точным теоретическим признакам («Уже!», «Солидарность»). Берлинский очерк ориентирован на традиции петербургского текста и воспринимает Берлин как неудачную замену Петербурга; это город, потерявший лицо после войны и революции. С середины 1920-х годов настроение путешественников меняется: речь идет уже о восстановлении нормальной жизни в Берлине. Маяковский предлагает идеологему «два Берлина», которая в дальнейшем станет канвой для описания капиталистического города. Сочинения очеркистов, посетивших Берлин или проживавших в нем в 1924-1926 годах (Р.Б.Гуль, Б.А.Кушнер и др.), представляют Берлин как локус ультрасовременной техники, город с идеальной организацией транспорта, город упорного труда и поразительных промышленных достижений.

Конечная цель советского агитационного путешествия – Париж. Первые описания Парижа, сделанные советскими путешественниками, проанализированы в разделе «Первые шаги по континенту. Поэтический дневник Маяковского». В самом начале 1920-х годов французская столица воспринимается столицей буржуазного мира, анти-Москвой или анти-Петроградом. Стихотворение «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)» и серия очерков о Париже, созданные Маяковским в 1923 году, акцентируют основную идею: так называемый город-светоч закоснел во всяческом старье, не знает ничего нового ни в жизни, ни в искусстве. Парижская «техника», аллегорически воплощенная в Эйфелевой башне, должна уйти в Советскую страну, где растет и крепнет новая жизнь, где бурлят новые идеи. Как и в текстах о Германии, путешественник предвидит революцию – но не сейчас, а в будущем; не в прямом смысле, а метафорически (используется традиционный для 1920-х годов и уже отработанный в немецких стихотворениях сюжет «восстание вещей»).

С середины 1920-х годов советский травелог меняет и отношение к Парижу. Этот процесс подробно отслеживается в разделе **«Жить и умереть в Париже. Парижский цикл Маяковского»**. В конце 1924 года были установлены дипломатические отношения между СССР и Францией, советский полпред Красин занял бывшее русское посольство на улице Гренелль. Роль «полпреда стиха» отныне потеряла важность. Советский литератор

(«Последние новости» с иронией рассказывали о том, как Маяковского по ошибке не впустили в советское посольство в день приезда Красина³⁷) вынужден искать новую роль. Теперь он путешествует как частное лицо. Позиция частного лица находит литературное воплощение в цикле стихотворений о Париже, опубликованном Маяковским в 1925 году. Одновременно в травелогe Маяковского формируется новое видение Парижа – не столицы враждебной капиталистической страны, а столицы государства-партнера СССР. Города, хранящего традиции Коммуны и близкого по духу.

Текст цикла «Париж» подробно проанализирован в диссертации: поэтика и идеология в нем взаимосвязаны. Первое стихотворение цикла – «Еду», завершает цикл «Прощаньем». Это обрамление из обычных человеческих чувств (не стихотворных официальных речей, как было раньше) с самого начала создает камерную атмосферу частной поездки. Если прежде поэт был один на один с рабочим классом Германии или Эйфелевой башней, то теперь появляются абрисы спутников. Спутники демонстрируют пошлость буржуазного мира, советский поэт возвышается над ними.

Традиционная формула «Два Парижа», использованная в тексте, не похожа на формулу «Два Берлина»: первый Париж у Маяковского – это, как обычно, Париж официальный, другим же Парижем оказывается не город рабочих, как можно было бы предположить, а просто городской пейзаж, который не зависит от политического режима. Париж – готовый город будущего, и этим он похож на Москву (семантическая рифмовка Парижа и Москвы завершает последнее стихотворение цикла). Уподобление Парижа Москве снимает табу, и в стихотворениях начинают проступать картины французской столицы: превратившись из «полпреда стиха» в просто поэта, Маяковский получил возможность смотреть и видеть. Однако обычное туристическое восхищение нередко перебивается рудиментами «полпредства». Особенно интересна архитектура стихотворения «Версаль». В отчасти иронический, извиняющийся за восхищение «красотищей» голос поэта вторгается другой голос – простого советского человека, миллионными глазами которого символически взирает поэт. Маяковский находит путешественнику новую роль – служить заместителем массового советского туриста, которому в силу объективных причин нельзя посетить столицы Запада. Поэтика осмотра Версаля становится бесконечным метонимическим замещением: поэт замещает советских граждан, советские граждане – французских революционеров прошлого, и так далее. Такое усложнение точки зрения – следствие новой роли лирического героя. Даже будучи частным лицом, он представляет страну, всех частных лиц СССР.

---

³⁷ Н. Красин приехал // Последние новости. 1924. 5 декабря. № 1416. С. 2.

Поэтика замещений переходит в поэтику недоговорок. Вместо к призывов революции поэт просто напоминает французским рабочим, что советские рабочие – их союзники (стихотворение «Жорес»). Вместо обвинений капитализму новой задачей травелога становится дискредитация эмиграции: стихотворение «Прощание (Кафе)» демонстрирует, как пошлы русские, перебравшиеся в Париж. Именно эмигранты становятся воплощением «старья» – эту функцию еще недавно выполнял Лувр.

«Париж» Маяковского уводит травелог от прежней пропагандистской линии и направляет в иную сторону. Предлагая советскому читателю «оправдание» Парижа, поэт получает оправдание для туристического взгляда на город – этот идеологический поворот станет началом нового этапа советских путешествий. Поэт доказывает, что туризм вовсе не означает отказа от пропаганды. Пропагандой может быть само присутствие советского человека на Западе.

В этот поворот включаются другие лэфовцы, отправляющиеся в Европу вслед за Маяковским. Подробный анализ книги Б.А.Кушнера «Сто три дня на Западе. 1924-1926 гг.» (1928) завершает вторую главу (раздел «**Норд-экспресс. Путешествие Б.Кушнера**»). В книге нет ни грана прямой пропагандистской риторики: она блестяще усваивает технику дипломатического намека, найденную Маяковским в «Париже». Она уже погружена в застывшее время нарождающегося соцреализма, не соответствующее реальному времени путешествия: показательно противоречие заголовка и подзаголовка. Однако перевешивают силы, тянущие книгу Кушнера назад, в эпоху формирования жанра. Это лэфовский прагматизм, увлечение литературой факта. Это деловитость и официальность путешественника, исполнение государственно значимой задачи по изучению европейского транспорта. Транспорт, по мнению Кушнера, – один из главных уроков, который Запад может преподать СССР. Но главное – все та же экспортная коммуникация, организующая травелог. Несмотря на импорт технических идей, на первом месте по-прежнему – экспорт классовой теории, новой социальной организации.

Зафиксировав в двух коротких главах незначительность лимитрофа и транзитной страны, Кушнер подробнейшим образом описывает Берлин. Описание начинается с той точки, на которой завершился берлинский очерк. Берлин, уже вполне оправившийся от разрухи, заполненный автомобилями и световой рекламой, становится городом будущего, аналогом Парижа. Это самый современный капиталистический город, капиталистический город вообще. Блестяще организованный городской транспорт вызывает восхищение повествователя. Берлин для него не макет, как для Эренбурга, а грандиозный выставочный комплекс. В этот город переносятся все признаки технического совершенства западной цивилизации: например, метро, о котором и раньше рассказывали с восхищением, но в

парижских травелогах. Берлинская городская железная дорога (наземная и подземная) оказывается много лучше парижского метро.

Интересно, что в травелоге Кушнера, весьма содержательном и описательном по преимуществу, сохраняются все прежние идеологические интенции, но теперь приходится убирать их в подтекст, задрапировывать тропами, ограничивать намеками. Антитеза «роскошный Вестен – скромные рабочие районы» по-прежнему обязательна. Восстановление Германии осмыслено как заслуга немецкого пролетариата, спасшего страну героическим трудом. Демонтаж военной промышленности воспринят не как следствие Версальского договора, а как жест доброй воли немецких трудящихся, не желающих воевать с Советской Россией. Так же внимательно, как городскую железную дорогу Берлина, рассматривает путешественник Гамбургский порт – одно из величайших, по его мнению, достижений цивилизации. Это музей техники, будущего, человеческого гения.

Париж же для Кушнера – музей девятнадцатого века. Центр Европы у него явно сдвинут в сторону Берлина. Кушнер, как и Маяковский, начинает с Эйфелевой башни, но оценивает ее по-другому: с точки зрения лефовского функционализма, она архитектурная бессмыслица, символ буржуазной пошлости. Пошлость капиталистической столицы – доминирующий мотив всего описания Парижа. Принципиален прием иронического снижения в описаниях практически всех достопримечательностей. В отличие от трудовой Германии, парижский пролетариат почти совсем не показан: на улицах города Коммуны развлекаются буржуа. Характерен эпатажный прием в рассказе о Монмартре. Знаменитый район уподобляется «международному сэтльменту»³⁸ в портах Китая. Париж и Франция потеряли и финансовую самостоятельность, и собственное лицо.

В 1928 году травелог Бориса Кушнера выглядит архаичным. Он по-прежнему ориентирован на европейскую ось первых советских лет, где зло расположено на Западе, а правда – на Востоке. Чем дальше продвигается на запад путешественник, тем больше мерзости и неправды он видит. Последняя глава путешествия «Норд-экспресс» – это скоростное возвращение в Москву (приправленное восхищением скоростью европейского экспресса). Поезда соединяют страны, северный экспресс создает европейское единство. В финале книги встает видение единых в социализме железнодорожных линий Евразии. Эта грандиозная мечта, достойная «кремлевских мечтателей» 1918 года, в 1928 году кажется старомодной и наивной. Несозвучной даже лефовской прагматичности, не говоря о требованиях эпохи. «Перманентная революция» и мечта о скором уничтожении границ сменились идеей сосуществования двух экономических систем, построения социализма в капиталистическом окружении. Это самое *агитационное путешествие* из всех, созданных в

---

³⁸ Кушнер Б. Сто три дня на Западе. 1924-1926 гг. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 283.

1920-е годы. Однако травелог новой эпохи пойдет не за Кушнером, а за Маяковским, ибо Маяковский предлагает новый путь, поэтически соединяя прежнюю идеологию с новой. Советские писатели сосредоточат свое внимание на Париже как центре западного мира (второй, западной Москве) в ожидании победы социализма уже не в Германии, а во Франции.

Третья глава диссертации «**“Либеральное путешествие”**. **Конец 1920-х годов**» посвящена второму типу советских путешествий. Либеральные путешествия возникают в середине 1920-х годов, достигают пика к концу десятилетия и практически пропадают к началу 1930-х годов. Их идейная основа – признание (в сложившихся условиях сосуществования экономических и политических систем) относительной ценности Другого.

В этот период в Европу выезжает рекордное число советских литераторов-путешественников. Не все из них печатают после поездок травелоги, но ненаписанный травелог воспринимается советской властью как невыполненное задание. Дипломатическое признание Советского Союза изменяет функции путешествия: пропагандистское задание более не выделяется, а лишь подразумевается; на первый план выходят задачи рекламного характера – представить за рубежом новую страну, ее жителей и культуру. По сути, с середины 1920-х годов поездка советского писателя нацелена на установление культурного контакта, завязывание культурных коммуникаций. Писатели читают в европейских городах лекции о советской литературе, рассказывают не только о себе, но и своих коллегам. Мотив презентации советской литературы постоянно сквозит в травелогах.

В списке путешественников преобладают не партийные и пролетарские авторы, а писатели-попутчики. Такой отбор имеет внутреннюю логику. Для поездки необходимы знание языков (по меньшей мере, владение французским), способность к коммуникации (близость по воспитанию к тем, с кем предстоит общаться в буржуазных столицах), претензия на внеидеологический взгляд. К тому же предпочтение, по-видимому, отдается опытным путешественникам: тем, кто до 1917 года бывал в Европе.

Основная цель поездок советских писателей – Париж, он становится эталоном европейской жизни, но теперь путешественники усложняют маршрут. Многие из них едут из Парижа во французскую провинцию или другие французские города – для сравнения с Парижем. Обычным делом становится посещение соседних стран. Усложнение маршрута усложняет и формы травелогов. Травелог разрастается и превращается в цикл очерков, который, как правило, сначала из номера в номер печатался в одной из советских газет (или в одном из журналов), затем появлялся в виде отдельной книги. Основным материалом главы стали книги В.М.Инбер «Америка в Париже» (1928), Л.В.Никулина «Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки)» (1929), О.Д.Форш «Под куполом» (1929), основная часть очерков

сборника И.Г.Эренбурга «Виза времени» (1931; второе издание 1933 года почти на треть дополнено очерками, созданными в 1931 году), европейские главы из книги В.Г.Лидина «Пути и версты» (1927). Примыкают к основным текстам повесть М.Л.Слонимского «Западники» (1928), построенная во многом как путевой очерк, краткий очерк И.Э.Бабея «Путешествие во Францию» (1937), цикл очерков Л.Н.Сейфуллиной «Из заграничных впечатлений» (1927).

Карта Европы в сознании советского путешественника значительно усложняется. Каждая из стран Восточной Европы обретает свое лицо: Польша теперь отличается от Чехословакии, буржуазный Берлин больше не сливается с буржуазным Парижем, а марсельский или неаполитанский Юг (бельгийский или бретонский Север) оттеняет особую ауру столицы Франции. С этим связано сущностное изменение манеры смотреть и видеть. Национальная точка зрения все громче заявляет о себе, тесня классовую (поначалу это остро ощущают люди прошедшей эпохи пролетарской экспансии – например, Ф.Ф.Раскольников, написавший предисловие к «Визе времени»). Классовая борьба и экономика стран по-прежнему актуальны в травелогах 1930-х годов, но основу описаний все чаще составляет культура нации во всех ее проявлениях – в том числе и экономическом. Проблема национального характера становится центральной практически в любом травелоге. Различаются лишь подходы к проблеме.

Новому взгляду способствует и новое положение путешественника. Поэты окончательно перестали быть «полпредами» и превратились в советских «общественников». Они посещают Европу по приглашению общественных писательских организаций. Писательская поездка тщательно освобождается от любых намеков на официальность. С одной стороны, власть таким образом подчеркивает (для внешнего наблюдателя) самостоятельность деятеля культуры, с другой, усиливает (для самого путешественника) ощущение «короткого поводка»: без помощи советских полпредств он не может свободно передвигаться по Европе.

Первый раздел главы назван «**Взгляд другого**». Он рассматривает процесс смены точки зрения путешественника в травелогах либерального типа. Концепция «другого взгляда», а также «русского взгляда Другого» была разработана Г.А.Тиме в рамках проекта «Взгляды Других (Die Blicke der Anderen)» (см. выше библиографию работ, созданных в рамках проекта) на основе феноменологических идей Э.Гуссерля, М.Шелера, М.Бубера, а также на основе русской философской традиции (М.М.Бахтин, С.Л.Франк)³⁹. В этом же направлении движется и изучение европейской литературы путешествий, описывая

---

³⁹ Тиме Г. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды. С. 235-246; Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд другого. 1919-1939. М.: РОССПЭН, 2011.

ситуацию 1920-1930-х годов при помощи концепта «экзотизм»⁴⁰, а также литература русской эмиграции, часто воспринимающая изгнание как путешествие (древние формы «житий» и «хожений» воспроизводятся и трансформируются, соединяясь с модернистскими элементами). В советском травелоге «взгляд Другого» имеет определенную специфику. Намеченный Маяковским поворот травелога в сторону наслаждения увиденным совпадает с задачами политической игры. Новый тип повествования демонстрирует новую установку: ощущение иного бытия. Это «иное» благосклонно принимается именно в силу своей «инакости». Впрочем, любой вариант воспринимается в свете советского инварианта. Но при этом именно инвариант придает ценности каждому варианту. В.М.Инбер в начале книги «Америка в Париже» замечает, что главная опасность для путешественника – «укутаться во все “привычное” и “родное”»⁴¹ и не увидеть ничего нового, необычного. Такую же установку демонстрирует, например, путешественник М.Л.Слонимского: едва выехав за границу, он сразу готов к восприятию чужого, оно интересно ему само по себе – как параллельный мир. Установка на интерес к иной культуре и иным ценностям делает советский травелог похожим на европейский.

Во втором разделе «Парижские гиды» проанализирована литературная форма, которую ищет путешественник для «либерального путешествия». Удачное определение травелога нового типа дал Л.В.Никулин – путеводитель, «воображаемые прогулки». Путеводитель – особый вид нарратива, в котором сконцентрирован накопленный опыт туриста. Это далекое от официального высказывание, в котором информация исходит от обобщенного частного лица и адресовано обобщенному частному лицу. Ориентация на путеводитель характеризует литературу путешествий нового времени. Путеводитель снимает эпическую сакральность древних путешествий, переводит путешествие в сферу быта, а рассказ о путешествии – в категорию «низких», немаркированных жанров. В форму путеводителя идеально укладывается и «взгляд другого». Путеводитель показывает иное, незнакомое: намечает маршруты, выделяет и описывает достопримечательности, приводит краткие исторические справки. При этом читатель становится спутником путешественника: повествователь в этом нарративе – посредник между читателем и чужой жизнью, он точка соединения культур. Объяснения непривычного снимают антитезы: жизнь «у нас», присутствующая в опыте повествователя и читателя, подразумевается, но не упоминается. Все внимание сосредоточено на ином – обычаях, правилах поведения, укладе жизни.

---

⁴⁰ Forsdick Ch. Sa(l)vaging Exoticism. New Approaches to 1930s Travel Literature in French // Cultural Encounters. European Travel Writing in the 1930s. / Ed. by Ch.Burdett, D.Duncan. New York; Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 29-45; Forsdick Ch. Travel in the Twentieth-Century French and Francophone Cultures: the Persistence of Diversity Oxford, New York: Oxford University Press, 2005.

⁴¹ Инбер В. Америка в Париже. М.;Л.: Госиздат, 1928. С. 5.

Советский травелог комбинирует два типа путеводителя. С одной стороны, это главы-очерки с обобщенно-безличным взглядом – читателя проводят по улицам, предлагая ему нарезку впечатлений. С другой стороны, в ряде очерков-глав повествование ведется от первого лица. Тут проявляется голос гида, имеющего тот или иной облик. Часто к голосу гида добавляется голос его собеседника-туриста.

Фигура гида актуализирует инвариантные значения путешествия, характерные для жанра целиком. Гид почти всегда – условная фигура. Он учит путешественника языку и рассказывает об обычаях страны⁴². К.Хили указывает на «парность путешественников» в литературном травелогe («Малазия» Анри Фоконе, «Атлантида» Пьера Бенуа, «Робинзон Крузо» Даниэля Дэфо), причем в модернистских текстах количество «вторых я» путешественника часто увеличивается⁴³. Тот же процесс наблюдается и в текстах реальных путешествий 1920-1930-х годов: спутник служит удачным дополнением путешественника⁴⁴.

В советском травелогe спутник делает все то, что не по чину советскому путешественнику: совершает недостойные поступки, развивает крамольные мысли, попадает в нелепые положения. Благодаря ему советский человек постоянно остается на высоте. Можно сказать, что спутник воплощает сознание частного человека, главный герой путеводителя – общественное сознание всех граждан СССР. Спутников и рассказчиков в книгах второй половины 1920-х годов чрезвычайно много, они внезапно появляются и внезапно исчезают, иногда в каждой главе книги (каждом рассказе сборника, каждом очерке) имеется свой условный гид. Однако постепенно читатель – вслед за путешественником – учится не во всем доверять gidу. Гид показывает зарубежную жизнь изнутри, он к ней пригляделся; советский же путешественник смотрит свежим и «правильным» взглядом. В конечном счете, обладателем правильного взгляда оказывается читатель путеводителя. Он не знает деталей европейской жизни, но хорошо знает ее внутреннюю, буржуазную суть. Путеводитель по Парижу адресован тем, кто никогда не поедет в Париж. Он выполняет, таким образом, воспитательную задачу соцреалистической культуры.

Третий раздел озаглавлен «**Детали Парижа**». Он посвящен принципам описания города в текстах «либеральных путешествий». Если раньше в капиталистическом городе обязательно выделялись «контрасты», то теперь в «путеводителях» контрасты сознательно стираются, город оказывается единым (классовые характеристики вытесняются общенациональными). Это не значит, что «контрасты» перестают изображать. Но они перестают быть вопиющими и выпирающими, они вписываются в общее течение жизни.

---

⁴² Gove Ph. B. The Imaginary Voyage in Prose Fiction. P. 159.

⁴³ Healey K. J. The Modernist Traveller. P. 17.

⁴⁴ Fussel P. Abroad. British Literary Traveling Between the Wars. P. 113-116 (глава «L'Amour de Voyage»).

В центре повествования оказывается отдельно взятая деталь. В ней пульсирует обыденная жизнь. Повествователь рассматривает иной мир, полностью доверяясь первым впечатлениям. Текст развивается от детали к детали, теряя прежнюю структурированность. Очерк использует жанровую свободу – энергию распыления сюжета – для создания узнаваемой картины. Путешественник пишет безо всякого плана, просто рассказывая о простом: куда ходил и что увидел. По сути, этот подход был заложен уже в парижском цикле Маяковского. Сильнейшее влияние Маяковского на «либеральное путешествие» не подлежит сомнению: его тексты воспринимаются авторами путеводителей как путеводитель для них самих, текст-образец. Деталь (в том числе архитектурные детали парижских зданий и площадей) получает значение сама по себе. Книги путешественников кажутся свободными от идеологии, особенно в тех случаях, когда привычные идеологические штампы эпохи раннего травелога подвергаются ироничному освещению. Или в случае простых и подробных описаний городского пейзажа: улиц и площадей, парков и музеев.

Однако в тот момент, когда травелог кажется почти освободившимся от идеологии, мы начинаем замечать иные способы введения идеологических значений. Напоминания о классовой реальности, несправедливостях капитализма, неправильном устройстве жизни рассыпаны по всему тексту. Они подаются не напрямую, а легким намеком или подтекстовой отсылкой к опыту жизни советского читателя. Часто они появляются в конце глав или очерков, создавая мощный пуант. Так, с одной стороны (для потенциального западного читателя), возникает иллюзия объективности повествования, а с другой (у советского читателя), заведомо создается нужное впечатление по поводу того или иного эпизода.

Этот механизм проиллюстрирован темой парижского метро, представленной сразу в нескольких «либеральных путешествиях». В отличие от первой половины 1920-х годов, метро больше не считается техническим чудом (метро вскоре начнут строить в Москве – его уже готовятся подавать как техническое чудо социализма). В описаниях практически всех путешественников акцентированы не плюсы, а минусы парижского метрополитена: огромные расстояния, которые надо пройти на станциях пересадок, спертый воздух, грязь на ступенях, размытая водой и пр. Поэтика нагнетания минусов построена на системе метафор и сравнений, создающих тематические переключения: у Никулина спертый воздух метрополитена связывается с темой охраны труда, у Инбер – с парижскими катакомбами-кладбищами и т.д. Таким образом, парижская деталь в значительной мере зависит от соседних деталей. Сцепление деталей создает нужный идеологический фон.

Четвертый раздел «Люди Парижа» посвящен принципам изображения жителей. Парижская живость и непосредственность под пером советских писателей превращается в

легкомыслие и нежелание задуматься над серьезными вопросами. Эти мысли, поданные как непосредственные наблюдения путешественников, работают на старый идеологический тезис: Париж живет без внутреннего стержня, за счет многовековой традиции, впитавшейся в кровь. У О.Форш происходит символическое преобразование парижской толпы: советский турист Прутиков, зайдя в универсальный магазин, созерцает армии манекенов. Манекены, выставленные в витринах, не отличаются от манекенов-покупателей. Музей восковых фигур, девушки-манекенщицы, девушки, работающие на кукольной фабрике (удвоение приема), воспроизводят тот же стереотип.

Объясняя французский характер, путешественники широко используют классическую традицию русской литературы. В обличении парижской обывательщины Форш следует традициям Герцена, в то же время в ее тексте ощущается и некоторое влияние почвенничества. Однако в некоторых травелогах парижское веселье вызывает иные комментарии. Бабель видит под постоянными парижскими шуточками философическое состояние ума и глубокое внутреннее содержание. Никулин полагает, что галантный смех парижан – образец человеческого общения. А Эренбург прозревает в этом смехе «братство» – главный лозунг французской революции. В этой точке «либеральное путешествие» достигает своей вершины: на какой-то момент повествователь, духовного перевоплощаясь, смотрит на «другого» его же глазами (при этом советский путешественник оказывается много либеральнее русской классической традиции второй половины XIX века).

Однако травелог не долго удерживается на этой вершине. Переходя от парижан вообще к парижским индивидуумам, путеводитель не может пройти мимо русских эмигрантов (вслед за парижским циклом Маяковского эмиграция – обязательная тема путешествия). Для советского путешественника это монстры, персонажи камеры ужасов из музея восковых фигур. Тема эмиграции нередко снижается ассоциативными связями с темой человеческих низостей – уголовными преступлениями, развратом. Такими же монстрами, потерявшими человеческий облик, оказываются и эмигрантские деятели культуры. Несостоятельность, никчемность – их постоянный атрибут.

С конца 1920-х годов СССР и зарубежье ведут идейную борьбу за наследие русской культуры: эмигранты утверждают, что в Советской России не осталось ничего подлинно русского, советская пропаганда доказывает, что все лучшее из культурного наследия России в СССР хранят и преумножают (например, юбилей Л.Н.Толстого в 1928 г. стал соревнованием советской и эмигрантской печати). Путешественники обязательно указывают на идейное бессилие и творческое бесплодие знаменитых писателей-эмигрантов (И.А.Бунина, А.И.Куприна, Д.С.Мережковского и др.). По лекалам, созданным Маяковским в период «агитационных путешествий», им присваивают все характеристики «старья». А

говоря о культуре Запада (в которой по-прежнему замечают только то, что близко советской культуре), путешественники обычно отмечают, что она движется вперед – в сторону советского искусства.

Пятый раздел **«Тема Америки»** посвящен описанию заокеанских хозяев. Абсолютными куклами, аналогичными по внутренней пустоте русским эмигрантам, оказываются гости из-за США. Понятие «разбогатевшая на войне страна», постоянно употребляемое по отношению к Америке в советской печати, породила разбогатевшего человека. Довольного собой и своей жизнью, равнодушного к другому.

«Либеральное путешествие» как бы подчищает огрехи «агитационного». Оно объективирует колонизатора в новом персонаже, олицетворяющем абсолютного врага. Этот персонаж – полная противоположность «либеральному путешественнику»: он совершенно не умеет наслаждаться, ибо находится вне культуры, он не способен на «взгляд другого», ибо закоснел во всем собственном. На эти обобщенные черты накладываются черты, идеологически окрашенные: он воплощение идей наживы и потребления, иными словами – абсолютного капитализма. Это – враг Парижа и одновременно – враг Москвы. Общий враг создает союзников (эта логика приближает путешествие предвоенное).

Американцы ведут себя, как варвары-колонизаторы, приспособливая тысячелетнюю культуру Парижа к доступным им интересам. Париж вынужден угождать вкусам и интересам американских хозяев, ибо американцы платят. И Париж меняется на американский манер, даже в области моды. Инбер много внимания уделяет американизации парижской архитектуры: она теперь, по мнению путешественницы, примитивна и утилитарна. Утилитарная архитектура – следствие утилитаризации европейского человека, превращения человека в машину, как на американских заводах Форда (парижский аналог – заводы Рено и Ситроен).

Разговор об «американизации Европы» позволяет представить дегуманизацию и денационализацию западного человека как единый процесс угнетения нации нацией, связав тем самым классовую риторику начала двадцатых (социальная революция как раскрепощение человека) с риторикой поздних двадцатых (национальная самобытность всех народов и государств). Уподобляясь Америке, Старый Свет превращается в Соединенные Штаты Европы, лишённые как национальных чувств (их, утверждает советская пропаганда, Америка не знала никогда), так и чувств общечеловеческих (они, согласно советской пропаганде, вытравлены в Америке звериным капитализмом). Европа стоит перед выбором: либо потеря национальных приоритетов, либо полноценное развитие наций под знаменем социализма. Идею Соединенных Штатов Европы – как федерации социалистических

республик – первым предложил Троцкий в начале двадцатых годов⁴⁵.

Однако простой человек, по мнению практически всех путешественников, пассивно сопротивляется американизации. Парижское веселье и непринужденность общения оказываются силой, способной победить утилитаризм. Победив весельем американскую деловитость, Париж в очерках советских писателей быстро движется в сторону СССР. Эта надежда выдохнется к концу 1930-х годов и пополнит ряд нереализованных побед в Европе – таких, как немецкие революции начала двадцатых или революция в Испании.

Шестой раздел **«За пределами Парижа»** продолжает тему формирующегося европейского единства – за счет стирания национальных различий. Соединенные Штаты Европы рождаются сами собой – благодаря машине, пожирающей расстояния. Европа становится единым организмом, в котором функционирование целого зависит от слаженного функционирования частей. Париж – олицетворение высших культурных достижений континента – растекается по Европе, превращаясь в некую мерку культуры и цивилизации. Путешествуя по другим городам Европы, советский путешественник просто продолжает путеводитель, в чертах других городов неизменно выискивая сходство с французской столицей. Город тем более интересен, чем более похож на Париж (для Никулина барселонская Рамбла дель Центро – это Большие Бульвары, плаца Каталуна – аналог Конкорда; для Эренбурга Варшава – польский Париж; для С.Виноградской Шенбрунн – венский Версаль⁴⁶ и т.д.). По наблюдениям Эренбурга, срединные города Европы (помимо Берлина, новой блестящей столицей становится Прага) теперь наиболее культурны. Эти города максимально открыты для всего нового, они знакомы с новейшей культурой всех стран, это города-энциклопедисты.

Противопоставление европейских городов сменяется антитезой «город – провинция». В этой точке очерки «из-за рубежа» практически смыкаются с очерками «по Союзу Советов». Простой народ обладает и сохранившейся национальной культурой и верным взглядом на вещи. В поддонных слоях текста бессознательно живет геополитика Троцкого: объединенная Европа возможна только под флагом социализма.

Последний раздел **«За пределами путеводителя»** посвящен соотношению травелогов и реальных поездок – в той мере, в какой представляется возможным реконструировать последние. Поведение советского писателя в буржуазном городе часто не укладывается в рамки традиционного советского поведения – хотя бы в силу того, что писатель вынужден приспособливаться к нормам капиталистической жизни. Автор видит больше, чем в состоянии описать. Тем самым, он выходит за пределы им же созданного маршрута – и за

---

⁴⁵ Троцкий Л. Европа и Америка М.;Л.: Гос. изд., 1926. С. 38.

⁴⁶ Виноградская С. Вена // Новый мир. 1928. № 1. С. 299.

рамки написанного текста. Напротив, автор как воплощение советского взгляда вообще должен целиком уместиться в текст и ни на шаг не отступать от заложенной в путеводитель программы. В путешествии (при параллельном развертывании травелога и поездки) обнаруживается брешь – внутреннее, неизбывное разложение.

Сообщения и статьи газеты «Последние новости», частные записи и письма литераторов, наброски и записные книжки (а в случае с Никулиным – специальные альбомы с фотографиями, текстами и документами, подробно иллюстрирующие его поездки) привлекаются для освещения реальных событий путешествия. Акцент сделан на тех моментах, которые не включены в текст травелога (встречи с родственниками и друзьями, живущими в эмиграции, посещение казино и питейных заведений, работа на западную кинопромышленность и пр.). «Точки умолчания» и паузы путеводителей значимы. Порой очевидно, что автор не думает так, как записал в путеводитель, но убеждает себя, что должен думать так, потому что представляет Советскую страну. Происходит раздвоение сознания путешественника: официальное и частное настолько не совпадают, что иногда вступают в резкий конфликт. К.Хили, рассуждая о функции «парного героя», указывает: работая над текстом путешествия, путешественник открывает в себе «другого», другую сторону своей личности⁴⁷.

Здесь советский «взгляд другого» частично совпадает с основными идеологемами эмиграции. Восприятие России как потерянной, обманувшей, отнятой родины, а Европы как бесприютной, бездомной земли характерно не только для Бунина, Куприна, Гуля, Кусикова, а также эмигрировавших позднее Д.Кленовского, И.Елагина и др., но и для Форш, Инбер, Эренбурга. Разница лишь в акцентах: эмигрант усиливает тему изменившей родины, советский путешественник – обманувшей надежды чужбины. Оказавшись в капиталистическом мире, советский «попутчик» понимает, что возвращения в досоветскую жизнь нет.

Путешествие, таким образом, можно рассмотреть как один из способов «перековки» попутчика. Тогда травелог не просто отчет о путешествии – это отчет о перерождении. В этом случае путеводитель не «отражает», а моделирует путешествие. Согласно требованиям соцреалистической литературы, показывает преобразенную реальность. Травелог становится инвариантом, а собственно путешествие – одним из возможных вариантов. В личном опыте путешественника событие могло произойти по-разному. Важно, как оно должно было произойти – и именно с точки зрения «должного» о нем рассказывает травелог. Такое понимание травелога вступает в противоречие со «взглядом другого». Кроме того, менялась политическая ситуация: с развитием экономического кризиса и возвышением

---

⁴⁷ Healey K. J. The Modernist Traveler. P. 18.

нацизма либерализм сдавал позиции во всем мире. Не мог он надолго задержаться и в советском путешествии на Запад.

Четвертая глава диссертации «**“Тоталитарное путешествие”. 1930-е годы**» описывает третий тип травелога. Он появился в самом начале 1930-х годов и просуществовал вплоть до начала Великой Отечественной войны (этот тип путешествия может быть назван и *предвоенным*). Он описывает горячие точки Европы и делит европейские страны на потенциальных врагов и потенциальных союзников. Путешествия этого типа рассказывают о нескольких странах, часто о Европе в целом и предлагают классификацию политических режимов с советской точки зрения.

В «тоталитарном путешествии» меняются представления о времени и пространстве: маршрут пролегает по «открытому пространству» (в терминологии С.Н.Травникова⁴⁸) – пространству вечности, пространству вне пространственных характеристик. Оно может быть бесконечным, а может свернуться до точки. В нем протекает «открытое время» – это время, развернутое в вечность, время вне времени, где встречаются разные эпохи в их исторической объективности. Основными жанрами такого травелога становятся сначала антипутеводитель (путеводитель по разрушенному миру), а затем репортаж. Оба жанра эпизируются, травелог приближается к географическому роману.

Основным материалом главы послужили очерки М.Л.Слонимского «Германия» (1932), книга М.Ф.Чумандрина «Германия» (1933), книги очерков И.Г.Эренбурга «Затянувшаяся развязка» (1934) и «Границы ночи» (1936), тексты к альбому фотографий Эренбурга «Мой Париж» (1933), брошюра Эренбурга «Гражданская война в Австрии» (1934), очерки С.М.Третьякова «Будемте знакомы!» (1936) и А.А.Фадеева «По Чехословакии» (1938), книга Л.В.Никулина «Семь морей» (1936). Фоном советского путешествия (позволяющим проверить полученные выводы) рассмотрена литература путешествий в эмиграции: очерки Г.В.Иванова «По Европе на автомобиле» (1933-1934) и как бы вытекающий из них текст поэмы в прозе «Распад атома» (1938).

Первый раздел «**Пан-Европа по-советски**» прослеживает сложные идеологические деформации травелогов, произошедшие в самом конце 1920-х годов. После литературной дискуссии 1928-1929 годов о форме очерка левовские идеи потерпели поражение. Путешествия стали антропоцентричными, с обязательным введением идеи «борьбы» (с трудностями, природой, волнами, воздухом и т.п.). В этой точке европейский очерк сомкнулся с очерком домашним. В книге В.Г.Лидина «Пути и версты» (1927) рубрики «По Союзу Советов» и «За рубежом», ранее строго разделенные тематически, оказались под одной обложкой. Вслед за Лидиным сходства России и Европы стали подчеркивать

---

⁴⁸ Травников С.Н. Путевые записки петровского времени. С. 82.

практически все путешественники (например, Н.Н.Никитин в книге очерков «Лирическая земля» или И.Г.Эренбург в берлинском издании книги «Виза времени»). Чувство европейского единства теперь тесно связано с морем: море становится «открытым пространством», в котором возможна «глобальная коммуникация» – с любыми людьми и коллективами (вплоть до абстрактных понятий, например, с Парижской коммуной), любыми странами и народами, со всем миром. С этим связано развитие в 1930-е годы морского очерка, рассказывающего о походах советских военных кораблей вдоль европейских берегов (проанализированы подробно «Осенний поход» В.Г.Лидина, 1927; «Красный флаг в океане» К.Самойлова, 1930; «Краснознаменная Балтика» Л.С.Соболева, 1940).

Морской путь вокруг Европы получает особое значение в середине 1930-х годов, после победы нацистов в Германии. На смену прежнему представлению о Европе приходит следующее концентрическое построение: в центре континента расположены фашистские страны, всасывающие в себя все новые государства. На фашистских границах идет постоянная борьба. По краям Европы лежат антифашистские страны. Капиталистическая Франция и социалистический СССР функционально становятся союзниками. При этом политическое значение Франции меняется: Париж становится одной из европейских столиц, переживающих мучительный выбор – в какой-то степени даже более провинциальным городом, чем Вена или Прага. Разочарование в Париже – сложное чувство, объединяющее разочарование в версальской модели мира и либеральных ценностях. Писать о Париже в травелогах почти перестают. Травелог находит более актуальные маршруты.

Второй раздел **«Новые жанры: антипутеводитель и репортаж»** рассматривает жанровые перемены. С развитием кризиса описание европейской поездки все чаще фиксируется не на достопримечательностях, а на антидостопримечательностях. При сохранении традиционных структур путеводителя текст превращается в антипутеводитель.

Отчасти используя традиции антипутеводителя, заложенные в девятнадцатом веке (прежде всего в текстах Достоевского и Салтыкова-Щедрина), советский антипутеводитель пересматривает саму концепцию отрицания Запада. Если путешественники прошлого старались ничего в Европе не увидеть, то советский путешественник утверждает, что в Европе ничего хорошего нет. Антипутеводитель конца 1930-х годов становится описанием выжженной земли, Европы разоренной. Тем самым он обретает тоталитарную ментальность. Переходом от путеводителя к антипутеводителю начинается переход от «либерального путешествия» к «путешествию тоталитарному».

Антипутеводитель сродни антирекламе, ибо рассчитан на негативную реакцию читателя. Он служит утверждению Своего через отрицание Другого. Ценности Другого теперь – антиценности, поскольку отличаются от Наших, а «взгляд другого» становится

признаком политической расслабленности и изгоняется из текста. Пропагандистские задачи травелога вновь обнажаются: советскому читателю показывают другую страну, в которой лучше не жить; потенциальному западному читателю предлагается сравнение с советской страной, в которой все не так, все хорошо. Излюбленным локусом антипутеводителя становится Германия: в ней снова обнажились социальные противоречия, в ней снова близка революция, а значит, есть возможность локализовать в одном пространстве и столкнуть между собой уродства капитализма и советские антитезы им. Сначала сюжеты антипутеводителя пытаются перерабатывать прежние заготовки из берлинского очерка. Но скоро все сводится к одному единственному сюжету – марширующим наци. Это и есть новый портрет Запада.

Перерождение антипутеводителя в репортаж происходит постепенно. По мере внедрения в текст динамики, связанной с фигурой борющегося героя, структура антипутеводителя начинает разрушаться. Затем в текст проникает событийность, простейший фабульный элемент. Концентрация повествования на событии приводит к перерождению текстовых структур, включается близкая стилистике путеводителя стилистика репортажа, и репортаж заполняет собой пространство текста. Этому способствует и политический спрос на репортаж: путеводитель не в состоянии расчертить европейский город для классовых боев. Похожие процессы протекают параллельно и в европейских литературах⁴⁹.

В рамках соцреализма 1930-х годов репортаж неизменно эпизируется. Он не просто передает событие, он запечатлевает живую историю, помещает и персонажей и читателей в глубь исторического события. Репортаж такого рода практически смыкается с аналитической статьей о международном положении. Таким образом, европейский травелог покидает книжную литературу и возвращается на страницы журналов и газет. Он, как в 1920-е годы, становится оперативной информацией. Если в эпоху путеводителей очерк в журнале мыслился как апробация будущей книги и воспринимался как отрывок большого текста, то с начала тридцатых очерки преимущественно публикуются отдельно, они композиционно и тематически завершены. Иногда, по старой памяти, очерки образуют книгу, но эта книга совсем иного свойства. Она напоминает многосерийный тематический репортаж, объединяющий события одной политической окраски.

---

⁴⁹ П.Бреннер прослеживает тот же процесс в немецкой литературе периода Веймарской республики (*Brenner P.J. Schwierige Reisen. Wandlungen des Reiseberichts in Deutschland 1918-1945 // Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republik zum "Dritten Reich". Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 135*), Ч.Форсдик указывает на появление репортажей во французской литературе путешествий (репортаж, по его мнению, становится одной из новых форм передачи информации, наряду с радио и массовыми журналами) и связывает это явление с экономическим кризисом 1930-х годов и разрушением колониальной системы (*Forsdick Ch. Travel in the Twentieth-Century French and Francophone Cultures. P. 82*).

Третий раздел **«Германия начала 1930-х годов. От путеводителя к антипутеводителю»** иллюстрирует описанный процесс конкретными примерами. Три последних очерка второго издания «Визы времени» (1933) рассказывают о Германии 1931 года. С одной стороны, Эренбург пользуется штампами берлинского очерка 1920-х, в создании которого сам принимал активное участие; с другой, в них уже видны элементы поэтики репортажа. Кроме того, заметна перемена тематического фокуса: теперь это не неизменный национальный характер, а сегодняшнее состояние умов. Одним из образцов антипутеводителя становится книга М.Ф.Чумандрин «Германия» (1933). Ее доминирующий мотив: жизнь в Германии затихла; это путеводитель по вымершей стране (тема вымирания Германии активно поддерживается и в толстых журналах). В берлинских и дрезденских главах Чумандрин как бы переписывает путеводители прошлых лет (в главах о Гамбурге есть прямая полемика с книгой Б.А.Кушнера): сохраняя стилистику путеводителя, он проводит читателя по жилищам безработных, по аварийным домам. В частях, повествующих о борьбе немецкого пролетариата, повествователь вводит событие – и в текст внедряется стилистика репортажа. Подробный анализ нарративных форм, используемых Чумандриным, позволяет непосредственно ощутить развитие травелога. Другим важным текстом, в котором репортажный стиль уже доминирует, оказываются очерки М.Л.Слонимского «Германия» (1932; несколько раз перепечатывались во второй половине 1930-х годов вместе с его же «Повестью о Левин»). Антипутеводитель (страна нацистов теряет все свои ценности) становится темой и сюжетом первого очерка о Берлине. В текст вводится интервью, и происходит переключение на репортаж; возникает тема «борьбы». В очерках, посвященных Баварии, с одной стороны, показано всеисилие наци, с другой, громко звучит тема Баварской советской республики и тема сегодняшней борьбы. Борьба переносится и в последний очерк, рисующий предвыборный Берлин: очерк выполнен в репортажной стилистике, его главная героиня – корреспондентка американской газеты.

Выводы, полученные при анализе текстов советских писателей, проверены в конце раздела на травелоге эмигрантской литературы. Очеркам Эренбурга, книгам Чумандрин и Слонимского тематически близок травелог Георгия В. Иванова «По Европе на автомобиле» (1933-1934). Он рассказывает о путешествии из Прибалтики во Францию, большая часть текста посвящена Германии. Целый ряд мотивов и сам подход антипутеводителя повторяется в путешествии русского эмигранта. Он тоже использует темы «берлинского очерка», тоже ощущает их недостаточность. Иногда использует такие формы антипутеводителя, которые не свойственны советской литературе, – беседы с русскими нацистами, изобличающими их духовную близорукость. Использует и композиционные приемы антипутеводителей, восходящие еще в образцам XIX в. (Ф.М.Достоевский):

перечисление мест, куда бы путешественник отправился, если бы ситуация была иной (среди них Рейнская область и Бавария). Травелог «По Европе на автомобиле» значительно повлиял на все творчество Иванова второй половины 1930-х годов, в том числе на центральное произведение этого периода – поэму в прозе «Распад атома» (в ней можно отыскать ряд элементов, близких литературе путешествий). Этот текст охватывает Европу целиком, восприятие Европы в «Распаде атома» аналогично предвоенным путешествиям. Таким образом, переход от путеводителя к антипутеводителю можно рассматривать как универсальный процесс развития травелога в XX веке, а переход от «либерального» к «тоталитарному» путешествию – как характерный не только для литературы метрополии, но и для литературы русской эмиграции.

Четвертый раздел **«После 1933 г. “Внешний репортаж ” о Германии»** анализирует развитие немецкой темы после победы нацистов. Ряд очерков из книг И.Г.Эренбурга «Затянувшаяся развязка» (1934) и «Границы ночи» (1936) посвящены наблюдению за Германией извне, с безопасного расстояния: с немецких территорий, принадлежащих по условиям Версальского мира Дании, Бельгии, Франции. Это уже в чистом виде репортажи. Источниками информации становятся люди, сбежавшие от Гитлера; книги, выставленные в витринах немецких магазинов; географические карты, отпечатанные в Германии. Репортер сводит доступные сведения воедино. Идеологическая основа очерков нового типа – противостояние коммунизма и фашизма (нацизма) как двух полярных идей человечества: за одной из них будущее, другая ведет к гибели. Фашизм, по мнению Эренбурга, – освобождение глубинной дикости капитализма. Складывается новая идеологическая метафора: Европа – мир мертвых (среди которых есть мертвецы агрессивные, убивающие все вокруг; это фашисты – и расслабленные, духовно опустошенные мертвецы; это жители капиталистических стран, не сопротивляющихся фашизму). Умиравшим миром, вместе с Бельгией и Данией, становятся Франция и Париж (в ряде очерков из вышеназванных книг и альбоме фотографий Эренбурга «Мой Париж», 1933). Однако среди людей, потерявших способность к осмысленному действию, по-прежнему встречаются герои, готовые драться с фашистами. Эти люди с надеждой смотрят на Москву.

В пятом разделе **«Европа открытых пространств»** анализируются травелоги, описывающие бои между фашизмом и коммунизмом в различных европейских странах, еще не сделавших окончательный выбор. Брошюра Эренбурга «Гражданская война в Австрии» (1934), написанная в Вене сразу же после вооруженного рабочего восстания, превращает репортаж в современный эпос. Путешественник становится военным корреспондентом, травелог – военной хроникой. Формы эпического повествования переплетаются с элементами репортажа и антипутеводителя, формируя особый жанр военного травелога.

Темы героической борьбы (пролетариата) и предательства (социал-демократов, а также местной буржуазии, забывшей о национальных интересах) находятся в строгих рамках советской идеологии и решаются в духе канонов соцреалистической литературы.

Близкие формы повествования обнаруживаются в путешествиях советских писателей в Чехословакию. Очерки С.М.Третьякова «Будемте знакомы!» (1936) и А.А.Фадеева «По Чехословакии» (1938) наполнены ожиданием вторжения или гражданской войны. Они представляют собой хронику сопротивления фашизму. Тема героической борьбы выходит на первый план. Показательно развитие антинемецких настроений в этих текстах, а также нарочитое сопоставление Москвы и Праги.

«Тоталитарное путешествие» стремится к установлению контроля над описываемой территорией. Контроль может быть окончательно установлен только посредством войны. Так «тоталитарное путешествие» оказывается путешествием предвоенным.

С этим связаны и идеологические процессы внутри СССР и «советской литературы». С середины 1930-х годов в Советском Союзе назревает поворот от интернациональной коммунистической идеологии к национальным имперским ценностям. В частности, в советские школы возвращается история литературы, в которой литература путешествий получает не центральное, но довольно важное место. Под влиянием идей Г.А.Гуковского и разрабатываемой им «стадиальной теории» литература становится одним важнейшим инструментом политической борьбы (в рамках истории революционных идей) и одним из способов идеологического моделирования (в рамках советской идеологии). Некоторые классические и советские путешествия попадают в школьную программу. Если ранее идеология влияла на советское путешествие опосредованно, через идеологические институты, то теперь она влияет изнутри литературного процесса. Писатель, создающий травелог, вынужден воспринимать себя в длинном ряду русских авторов, писавших о Западной Европе. Соцреализм, провозглашенный высшим достижением мировой литературы заставляет даже опытных авторов транспонировать соцреалистические структуры на травелоги. Идеи Гуковского серьезно повлияли на поколения советских людей – посредством школьных уроков литературы.

«Стадиальная теория» формирует тоталитарные ценности. Русская классическая литература и наследующая ей литература соцреализма провозглашаются образцом для всех прочих литератур. Идея освоения иных пространств и иных литератур посредством описания с нужной точки зрения (близкая «ориентализму» Э.Саида) ощутима в подтексте монографий Гуковского. Восприятие стран и территорий как энциклопедии политических режимов, все более проникающее в советский травелог, возможно, вдохновлено теоретическими построениями Гуковского, осмыслявшего историю литературы как поступательное движение

от стадии к стадии или как энциклопедию способов выражения идеологических значений.

Шестой раздел «**Terra incognita. Европа семи морей**» представляет собой подробный анализ самого объемного травелога исследуемой эпохи – книги Л.В.Никулина «Семь морей» (1936), рассказывающей о путешествии вокруг Европы, совершенном в 1933 году. Маршрут путешествия пролегает по морям, затем по крупнейшим городам европейского Запада: Черное и Мраморное моря, Эгейское море, Средиземное море, затем Париж и Лондон и, наконец, переименованное из Северного «Коричневое море». И захватывает следующие страны: Турция – Греция – Италия – Франция – Англия – Германия. Моря и страны становятся символами политических систем. Европейская поездка – энциклопедией политических режимов. Книга путевых впечатлений – идеологической конструкцией. Репортаж, превратившись в эпическое повествование, погружается в миф. Травелог Никулина рассмотрен в широком контексте небольших травелогов, появлявшихся на страницах толстых журналов. Оценки, выставляемые той или иной стране, целиком зависят от ее политической системы и неотрывны от задач пропаганды.

Особое внимание уделено новым приемам в травелогe Никулина 1930-х годов. Это прежде всего приемы конструирования впечатлений: встречи, поданные как случайные, всегда имеют символично-идеологическое значение; введенные в повествование герои оказываются олицетворением своей страны; собеседники всегда удачно подобраны под тему разговора. Процесс конструирования впечатлений четко прослеживается благодаря сохранившимся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН подготовительным материалам к книге⁵⁰. Главный источник писателя – не непосредственные путевые впечатления, как естественно было бы предположить, а газета. При этом сюжеты заимствуются даже не из итальянских или французских газет, а из газет русской эмиграции. Никулин наклеивает газетные вырезки прямо в листы рукописей; текст в книге почти не отличается от газетной вырезки. Таким образом, путешественник предпочитает не вступать в коммуникацию с миром Запада, имитируя ее. Поездка становится избыточной по отношению к создаваемому тексту. Описание другого превращается в рассказ о себе. Описание чужого пространства – в описание (от противного) пространства своего.

Постоянный фон рассказа создают события в Германии, которые упоминаются постоянно, начиная с первой главы о Турции. Все происходящее в Европе как бы ориентировано на Германию: нацизм создает новую реальность, с которой может бороться только советское сознание. Ощущение катастрофы, характерное для *тоталитарного путешествия*, растворено в тексте. Последняя глава посвящена заходу советского парохода в

---

⁵⁰ Никулин Л.В. Планы глав, заметки, наброски, отдельные главы, газетные вырезки и другие материалы к книге «Семь морей» // ИМЛИ. Отдел рукописей. Ф. 71. Никулин. Оп. 1. Ед. хр. 15.

порт Гамбурга. Все впечатления путешественника от Германии придуманы по сюжетным схемам соцреалистической беллетристики. Финалом книги становится возвращение в СССР и путешествие на Беломоро-Балтийский канал имени Сталина – локус абсолютного счастья, созданный трудом рай.

На примере книги Никулина видно, как сам тип тоталитарного путешествия приводит к угасанию жанра. Окончательно попав под контроль советского травелога, Европа перестает меняться и застывает.

Пятая глава «Типология в единстве. Путешествие в Англию и Америку», с одной стороны, предлагает сюжет, который может быть рассмотрен как дополнительный по отношению к трем предыдущим главам. Он продлевает маршрут путешествия на Запад и намечает тему абсолютного врага. В этой функции в советской литературе взаимозаменяемы Англия и США. С другой стороны, путешествие на крайний Запад предлагает возможность рассмотреть все три выделенных типа в единстве: в американских (английских) путешествиях различные типы травелогов активно взаимодействуют, иногда в одном тексте совмещаются два разных типа.

Основным материалом главы стали четыре знаменитых американских травелога 1920-1930-х годов: очерк С.А.Есенина «Железный Миргород» (1923), «Стихи об Америке» и американские очерки В.В.Маяковского (1925-1926), «американский роман» Б.Пильняка «О'кэй» (1933), «Одноэтажная Америка» И.Ильфа и Е.Петрова (1937). К ним добавлены английские очерки Б.А.Кушнера (из книги «Сто три дня на Западе»), И.Г.Эренбурга (из «Визы времени»⁵¹), отчасти В.П.Крымова (книга «Сегодня») и Н.Н.Никитина («Сейчас на Западе»). Контекст литературных травелогов изучен при помощи сочинений посещавших Америку «спецов»: книг и брошюр Н.Осинского (В.В.Оболенского), книги физика Я.Г.Дорфмана «В стране рекордных чисел. Очерки Америки» (1927), а также очерков, публиковавшихся в толстых журналах.

Преамбула главы рассматривает американский сюжет в ранней советской беллетристике (прежде всего, поэмах Маяковского «150 000 000», 1920, и «Летающий пролетарий», 1925) в сравнении с работами советских лидеров (прежде всего, Троцкого), посвященных вопросам геополитики. Америка предстает в них главным государством капиталистического мира и главным идейным врагом СССР. Эта же тема прослеживается и в журнальных статьях об Америке и Англии. Тема врага напрямую связана с эпизацией и мифологизацией изображаемого.

Построение последней главы диссертации существенно отличается от строения трех

---

⁵¹ Английские очерки Эренбурга были опубликованы и отдельным изданием: *Эренбург И. Англия. Очерки*. М.: Федерация, 1931.

предыдущих. Она разбита на разделы, соответствующие этапам путешествия. На каждом этапе выделяются темы и мотивы, повторяющиеся во всех исследуемых текстах. Они формируют метафорический ряд, к которому сводится любое описание США (Англии). Этот ряд, ранее не становившийся предметом научного изучения, выделен в травелогах разного типа. Так демонстрируется единство разных типов травелогов.

Первый раздел **«Морское путешествие и прибытие»** анализирует тему морского (океанского) пути. Движение на корабле, в отличие от европейского травелога, подается как путь на край света. Грандиозность океана и грандиозность Нью-Йорка даются в текстах единым аккордом, мотив грандиозности сопровождает и прибытие путешественника в Лондон. Заморское путешествие изначально помещено в пространство мифа. Движение по океану оказывается переходом в иную реальность: гипербола становится основным приемом описания.

Второй раздел **«Испытание на границе»** анализирует следующий этап путешествия: попадание путешественника на враждебную территорию. На границе путешественник подвергается «испытанию» – иммиграционному контролю. Он сталкивается с официальными лицами другого континента и описывает их в заданной метафорической манере: это антиподы. Америка (Англия) оказывается «легендарным пространством» (по терминологии С.Н.Травникова⁵²), и дальнейшее путешествие приобретает жанровые черты сказки: в частности, на границе советскому гражданину помогает сказочный «помощник». Сказочные мотивы будут возникать и в дальнейшем. Таким образом, путешествие в США (Англию) серьезно отличается от европейского травелога.

Третий раздел **«Небоскреб в разрезе»** посвящен описанию американских городов. Их лейтмотив: за величественным фасадом скрывается «дооктябрьский Елец аль Конотоп»⁵³ – нищета, бесправие, бездуховность. Путешественники смотрят на американское чудо советским скептическим взглядом, и ни одна из великолепных картин не выдерживает проверки. Красота вечернего Бродвея прикрывает жуткую нищету (в Англии ту же функцию несет описание вечерней Пикадилли), в Нью-Йорке и Чикаго небоскребы соседствуют с трущобами. Маяковский и Пильняк переносят традиционную формулу «город контрастов» из горизонтальной плоскости в вертикальную: небоскреб оказывается моделью общества; Нью-Йорк – городом пятидесяти миллионеров, живущих на крышах небоскребов. Небоскребы и американские города оборачиваются иллюзорной цивилизацией, следующим метафорическим ходом они превращены в иллюзию вообще (иллюзорность Лондона и Англии подкреплена традиционными мотивами тумана, смога, вечного дождя).

---

⁵² Травников С.Н. Путевые записки петровского времени. С. 84.

⁵³ Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1958. С. 66.

Разочарование в реальности американского города приводит путешественника на просторы континента: он отправляется на поиски настоящей Америки. Но и в «деревенской» жизни, по мнению советского человека, цивилизация делает жизнь иллюзией. Темп жизни равен скорости автомобилей, бегущих по изумительным шоссейным дорогам. Рядом с дорогами – однообразие и скука. Советский тревелог измеряет цивилизованность страны не техническими новинками, а социальными преобразованиями. И в целом, в легендарном пространстве, по Травникову, «привычный пейзаж выступает в нарочито деформированном виде»⁵⁴. Америка (Англия) – перевернутый мир, зеркальное отражение мира настоящего, страна-мираж.

Четвертый раздел **«Новое средневековье»** посвящен менталитету людей, населяющих континент. Путешественник с удивлением отмечает, что, несмотря на чудеса техники, Америка сохранила в неприкосновенности жизненный уклад девятнадцатого столетия (в России он был сметен революцией, в Европе – разрушен в ходе мировой войны). США – идеальный пример общества эксплуатации. Эксплуатируемым «простым народом» (А.Эткинд заметил, что американские тревелогисты советских авторов используют традиционную народническую фразеологию⁵⁵) последовательно оказываются: индейцы, чернокожее население и, наконец, не сознающие собственного рабства толпы клерков и служащих. Идея эксплуатации становится основой национального характера американца. Рядом с чудесами техники в Америке (Англии) живет средневековое сознание. Заокеанская страна легко может стать живым музеем средневековья или альбомом иллюстраций к «Капиталу» Маркса.

Пятый раздел **«Человек заморского мира»** прослеживает попытку советского путешественника заглянуть в душу американца (англичанина). Поначалу американцы производят впечатление серьезных людей, не теряющих времен попусту, постоянно занятых делом и целиком подчиненных машинам. Машинную свинченную толпу наблюдает путешественник и в Англии. Думать человек толпы не умеет. «Социальная тупость» становится основой характеристики англичан и американцев, конвейер – символом капиталистического человека. Конвейер определяет жизненные стандарты заморского человека (питание, жилище, город, виды развлечений). Советский путешественник сталкивается с одной из основных философских проблем двадцатого столетия – проблемой массового человека, но воспринимает ее по-своему. В СССР он привык видеть массу, спрессованную в коллектив, в США (Англии) массовый человек предоставлен самому себе, не организован. Неконтролируемый человек массы агрессивен и непредсказуем, советский

---

⁵⁴ Травников С.Н. Путевые записки петровского времени. С. 84.

⁵⁵ Эткинд А. Толкование путешествий. С. 144.

интеллектуал чувствует рядом с ним напряженное беспокойство. И вновь прибегает к мифологизации: капитал выжимает все силы английской/американской нации. Люди эксплуатируются им столь же нещадно, как и недра острова/континента. Неслучайно средний американец предстает в советском травелоге тщедушным и болезненным. Следующей стадией развернутой метафоры Америка (Англия) превращается в страну мертвых: это страна людей-автоматов, где пища не имеет вкуса, здоровье быстро теряется на службе, а города распланированы, как кладбища. Американец получил подходящее мифологическое определение.

Шестой раздел **«Реклама и киноиндустрия»** рассказывает о попытках путешественников описать рекламу и приравненную к ней кинопромышленность (часть индустрии развлечений) с точки зрения иллюзорности заморской цивилизации. При помощи системы кривых зеркал царство мертвых пытается казаться живым и процветающим. Посещение советскими писателями киностудий и попытки поработать в американском кино рассматриваются в свете метафорических оценок, которые путешественники ставят американской «фабрике грез». Американская жизнь становится понятнее, если рассматривать ее как сценарий кинофильма, она построена по киномоделям (английская жизнь более определяется книжной продукцией). Именно кинематограф, по мнению путешественников, отучает американца думать. Впрочем, намечена альтернатива: выделенная в травелогах тема Ч.Чаплина – это проект создания советского Голливуда, образец «нашего», социально заостренного американского кино.

Седьмой раздел **«Расовый гнев на классовый»** рассматривает тему, свойственную «агитационному» типу: возможность пролетарской революции в посещаемой стране. Беллетризованные путешествия полагают, что революция в США (Англии) возможна, возлагая особенные надежды на ущемленное в правах и не зараженное любовью к доллару чернокожее население (в английском варианте – население колоний). Травелоги «спецов» более сдержанны. В целом же, путешественникам никак не удается найти американца, способного и готового к классовой борьбе. Процесс поиска или моделирования такого американца становится самоцелью и создает отдельный сюжет травелога.

Восьмой раздел **«Небоскребы колеблются»** описывает агрессивные настроения советского путешественника. Агрессия проявляется не напрямую, а на уровне коннотаций: путешественник подсознательно думает об уничтожении страны антиподов вместе со всеми ее кривыми зеркалами. Идеал советского писателя – Америка без американцев. Экономический кризис, разразившийся в 1929 году, доставляет путешественникам множество сюжетов для вывода темы из подтекста. Иллюзорность благополучия и процветания, казалось бы, получает доказательства. Тоталитарная сторона американского

(английского) путешествия ярко проявляется в этой интенции.

Таким образом, в последней главе диссертации демонстрируется структурное единство «путешествия на Запад». Выделенные типы, с одной стороны, имеют эпохальный характер, ибо смена политической ситуации ведет к новым пропагандистским установкам, а новые установки изменяют всю структуру травелога. С другой стороны, на примере американского (английского) травелога можно увидеть, что типы путешествий не зависят целиком от эпохи. Они активно взаимодействуют между собой иногда в пределах одного текста, иногда в интертекстуальном пространстве. Типология «путешествия на Запад» оказывается универсальной.

Заключение подводит основные итоги исследования, подчеркивая принципы выделения типов путешествий. Каждый тип характеризует: собственный тип коммуникации, статус путешественника, определенные (заранее данные) представления путешественника о посещаемой стране (посещаемых странах), намеченная политическая цель, используемые литературные жанры, набор литературных приемов и особый тип нарратива. Таким образом, советский травелог не должен изучаться только как орудие пропаганды: он существует в рамках пропагандистского искусства, совмещая эстетические и политические задачи. Кроме того, тенденции развития советского травелога в целом соответствуют тенденциям развития травелога в европейских литературах, в том числе не испытывавших прямого давления тоталитарного государства.

Диссертацию завершает раздел **«Библиография»**, включающий в себя 321 наименование.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

I. Монографии

1. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920-1930-х годов. СПб: СПГУТД, 2011. – 277 с.

2. Прощай, Европа! Путешествие на Запад как жанр советской литературы межвоенного периода. [Saarbrücken], LAP LAMBERT Academic Publishing, [2011]. – 660 с.

Рец.: Новое литературное обозрение. 2012. № 115. С. 399-401 (автор Л.Ю.Гусман).

3. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2013. – 412 с.

II. Статьи в международных рецензируемых журналах

и изданиях, рекомендованных ВАК

4. Лев Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920-1930-х годов // Русская литература. 2000. № 3. С. 202-211.

5. Распад атома в поэзии русской эмиграции (Г.Иванов и В.Ходасевич) // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 48-81.

6. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84-111.

7. Созидание советского учебника по литературе. От М.Н.Покровского к Г.А.Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 39-77.

8. География революции. Путешествие по Европе в советской литературе 1920-х годов // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 68-98.

9. Как сделана идеология науки. Крах профессора Г.А.Гуковского // Russian Literature. 2008. Vol. LXIII. No. II/III/IV. P. 397-425.

10. Учебник патриотизма // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 37-57.

11. Путеводитель по Парижу: Европейский травелог в советской литературе конца 1920-х гг. // Новое литературное обозрение. Научное приложение LXXXVI. Европа в России. М.: НЛЮ, 2010. С. 363-388.

12. «Либеральное путешествие»: советский писатель в Париже второй половины 1920-х годов // Новое литературное обозрение. Научное приложение LXXXVII. Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: НЛЮ, 2010. С. 329-358.

13. Газетный травелог. «Печатная коммуникация» в книге Л. Никулина «Семь морей» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 82-86.

14. Человек разрушенного мира в поэзии второй эмиграции (Дмитрий Кленовский и Иван Елагин) // Russian Literature. Vol. LXVII (2010) II. P. 231-272.
15. Европа семи морей // Russian Literature. Vol. LXVIII (2010) III/IV. P. 389-416.
16. Повесть о прогрессоре // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 350-353.
17. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад» // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 160-190.
18. Норд-Экспресс, или Движение вещей. «Сто три дня на Западе» Бориса Кушнера // Русская литература. 2012. № 1. С. 167-177.
19. Травелоги Маяковского. Начало жанра // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 100-143.
20. «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста // Вопросы литературы. 2013. №3. С. 42-67.

III. Статьи в других изданиях

21. Идеология в поэтике художественного текста (К вопросу о социологических методах в литературоведении) // Гуманитарные исследования: История, теория, практика. Сборник научных трудов. СПб., 2003. С. 47-53
22. Идеологические механизмы и законы поэтики // Гуманитарные исследования: История, теория, практика. Сборник научных трудов. СПб., 2003. С. 69-76.
23. Die Geographie der Revolution. Die Europareise in der sowjetischen Literatur der 20er Jahre [География революции. Европейское путешествие в советской литературе 20-х годов] (на немецком языке) // Berlin, Paris, Moskau. Reiseliteratur und die Metropolen Bielefeld, 2005. S. 191-209.
24. Die Entstehung sowjetischer Reiseberichte [Возникновение советского путешествия] (на немецком языке) // Die Blicke der Anderen. Paris – Berlin – Moskau. Bielefeld, 2006. S. 207-227.
25. Reiseführer durch Paris [Путеводитель по Парижу] (на немецком языке) // Flüchtige Blicke. Relektüren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts. Bielefeld: AISTHESIS VERLAG, 2009. S. 471-518.
26. Морем вокруг Европы (межвоенный период) // Хронотоп войны. Пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. Материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша». М.; СПб, 2007. С. 231-233.
27. Советский писатель в Париже. Парижская жизнь в советских травелогах конца 1920-х годов // Литературные чтения. Время, личность, судьба. Сборник статей (Труды СПбГУКИ. Том 179). СПб., 2008. С. 68-99.
28. Даешь советскую Европу. «Путешествие на Запад» в советской литературе 1920-1930-х годов // Нева. 2008. № 7. С. 225-236.

29. Прихожая Европы Три главы из книги Б.А.Кушнера «Сто три дня на Западе» (вступительная статья, подготовка текста) // Нева. 2008. № 8. С. 233-246.
30. Митропа. Город будущего Главы (Берлин, Париж) из книги Б.А.Кушнера «Сто три дня на Западе» (вступительная статья, подготовка текста) // Нева. 2008. № 9. С. 228-244.
31. Парижский путеводитель. Главы из книги Льва Никулина «Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки)» (вступительная статья, подготовка текста) // Нева. 2008. № 10. С. 219-232.
32. Путеводитель по Европе. Главы из книги Ильи Эренбурга «Виза времени» (вступительная статья, подготовка текста) // Нева. 2008. № 11. С. 233-244.
33. Германия перед катастрофой. Главы из книги М.Ф.Чумандрина «Германия» (вступительная статья, подготовка текста) // Нева. 2008. № 12. С. 227-239.
34. Европейский антипутеводитель. Германия в советских травелогах первой половины 1930-х годов // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 27. Воронеж, 2008. С. 66-85.
35. Путеводитель по Парижу: советская рецепция парижского травелога 1920-х годов // История русского читателя. Сб. статей. Вып. 5 (Труды СПбГУКИ. Т. 187). СПб, 2010. С. 101-109.
36. Дыра в центре Европы. Перерождение «немецкого» травелога в творчестве И.Г.Эренбурга 1930-х годов // Филологические записки. Вып. 30. Воронеж, 2010-2011. С. 178-192.
37. Поэтика раннего советского травелога (На материале произведений В.В.Маяковского) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2011. № 2. С. 73-79.
38. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920-1930-х гг. Часть I // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 1(10). С. 29-42.
39. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920-1930-х гг. Часть 2 // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 2(11). С. 26-34.
40. К вопросу о русских европейцах. «Письма русского офицера» Федора Глинки и национальное самосознание // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4(13). С. 21-35.
41. Г.А.Гуковский и советское идеологическое литературоведение // XLI Международная филологическая конференция. Избранные труды. 26-31 марта 2012 г. СПб: СПбГУ, 2013. С. 140-147.